

Chicken Soup
for the Soul

КУРИНЫЙ БУЛЬОН *для души*

101 ИСТОРИЯ О ЧУДЕСАХ

надежде, вере
и услышанных молитвах

БОЛЕЕ
500 000 000
ПРОДАННЫХ
КНИГ

ДЖЕК КЭНФИЛД, МАРК ВИКТОР ХАНСЕН, ЛИЭНН ТИМАН

Куриный бульон для души

Джек Кэнфилд

**Куриный бульон для души:
101 история о чудесах**

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кэнфилд Д.

Куриный бульон для души: 101 история о чудесах /
Д. Кэнфилд — «Эксмо», 2010 — (Куриный бульон для души)

ISBN 978-5-699-97012-4

Реальные истории героев этого сборника доказывают: самые безвыходные ситуации могут разрешиться совершенно чудесным образом, а молитвы обязательно будут услышаны, если в сердце есть место для надежды и веры. Пассажир на борту падающего самолета становится свидетелем «Чуда на Гудзоне». «Бесплодная» женщина рождает 4 здоровых детей. Девушка отдает последний доллар бедным... и получает на счет 100 долларов неизвестно откуда. Эти и другие 98 поразительных историй, от которых вы не сможете оторваться.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-97012-4

© Кэнфилд Д., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Желтая бабочка	7
Преображение на сцене	9
Каким было твое перышко?	12
Горчичное зерно	14
Распятие	16
Ангел на снегу	18
Агнец	19
Чудо Бонни	20
Ловля радужной форели	21
Воздушные шары надежды	23
Глава 2	26
Сарафина	26
Бородавки и прочее	29
Отец Дамиан	30
Пять недель жизни	32
Сердечные проблемы	34
Чудесная девочка взаймы	36
Малютка Лорен	38
Руки наших друзей	40
Пустая палата	42
В ловушке под надгробным камнем	45
Сотворение Джейкоба	48
Глава 3	50
От Сары с любовью	50
Розы для невесты	51
Знак любви	52
Евангелие от Луки, глава 16	54
Кладбищенские шутки	55
Золотой дар	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джек Кэнфилд, Марк Хансен, Лиэнн Тиман

Куриный бульон для души: 101 история о чудесах (сборник)

© Chicken Soup for the Soul

A Book of Miracles

101 True Stories of Healing, Faith, Divine Intervention, and Answered Prayers

This edition published under arrangement with Chicken Soup for the Soul Publishing, LLC, PO Box 700, Cos Cob CT 06807-0700 USA. Copyright © 2010 by Chicken Soup for the Soul Publishing, LLC. All Rights Reserved

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording or otherwise, without the written permission of the publisher. CSS, Chicken Soup for the Soul, and its Logo and Marks are trademarks of Chicken Soup for the Soul Publishing LLC.

Russian Language rights handled by Nova Littera SIA, Moscow in conjunction with Montreal-Contacts/The Rights Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. CSS, Chicken Soup for the Soul, и логотипы являются торговыми марками Chicken Soup for the Soul Publishing LLC.

Мельник Э., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Вступление

Однажды моя мать задала пастору вопрос: «В Ветхом Завете столько историй о чудесах, совершенных Богом. Иисус тоже совершил десятки чудес. Почему же Бог не творит их сегодня?»

Пастор ответил: «Он творит их каждый день, но мы не замечаем их, отмахиваемся, объясняем их научными причинами или «совпадением».

Прочитав почти три тысячи историй, присланных для этого сборника, я больше не сомневаюсь, что «совпадений» не бывает. Одни люди повествуют о чудесных исцелениях, о видениях ангелов или самого Бога, другие рассказывают о «повседневных чудесах», которые кто-то на их месте мог бы просто «объяснить и забыть».

Пытаясь «объяснять» чудеса с помощью науки, химии или простых совпадений, мы не воздаем должное их истинному Творцу. Ведь это Бог говорит с нами, показывает нам путь, благословляет нас.

Пожалуй, права была моя бабушка, когда говорила, что лучшее доказательство чуда – прорастание семени и биение сердца.

Бог творит чудеса каждый день. Надеюсь, познакомившись с этими историями, вы начнете замечать их и в своей жизни. Когда в следующий раз вы увидите «своевременную» радугу, бабочку, монетку или птицу, поблагодарите за них Того, кого следует благодарить.

Поднимите глаза к небесам, улыбнитесь и воздайте Богу должное за Его чудеса.

Лиэнн Тиман

Глава 1

Знаки свыше

Еще сказал ему Господь... Если они не поверят тебе и не послушают голоса первого знамения, то поверят голосу знамения другого.

Исход, 4:6–8

Желтая бабочка

Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его.

Псалтирь, 42:5

В детстве моей самой большой мечтой было стать мамой. Я всегда говорила, что хочу иметь четверых детей – двоих мальчиков и двоих девочек. Когда я стала взрослой, моя мечта исполнилась – и это было благословение! Глядя, как дети играют во дворе, я не раз ловила себя на мысли, какое счастье мне даровано, и не переставала удивляться, что все они – мои.

Как и многих матерей, меня преследовал страх, что с кем-то из детей случится беда. Увы, этот ужас стал реальностью.

Это произошло в июне. Когда раздался стук в дверь и муж вошел, чтобы сообщить мне страшное известие, ему не пришлось ничего говорить. Я все поняла, едва взглянув ему в глаза. Нашего старшего сына, четырнадцатилетнего Джоша, насмерть сбила машина.

Последующие дни и годы, когда мы пытались понять, как жить без него, казалось, слиплись в один вязкий ком.

Через пару лет прекрасным весенним днем мы с моей дочерью Челси отправились на рыбалку. Это было наше любимое занятие, и мы всегда с нетерпением ждали тепла. Запах свежескошенной травы наполнял воздух, всюду цвели нарциссы. Все вокруг, казалось, возвращалось к жизни, включая нас самих, – пусть всего на один день.

Мы взяли ведра и удочки, перелезли через старую изгородь и направились по полю к ручью. Я оглянулась на Челси и увидела, что вокруг нее танцуют белые бабочки – не меньше трех десятков. Это было такое волшебное зрелище, что я невольно подумала: может быть, это Джош посылает нам весточку оттуда, где он сейчас! Я мысленно обратилась к нему: «Джош, если ты меня слышишь, пожалуйста, пошли нам желтую бабочку».

Я дождалась, пока дочь меня нагонит, и сказала ей:

– Если увидишь желтую бабочку, это будет означать, что Джош с нами.

Она удивилась:

– Откуда ты знаешь?

– Я попросила его послать нам такую бабочку, если он здесь.

А потом мы обе одновременно воскликнули:

– Джош, пожалуйста, пошли нам желтую бабочку, чтобы мы наверняка знали, что ты с нами!

– Боже, пожалуйста, пусть Джош пошлет нам желтую бабочку!

И вдруг, откуда ни возьмись, большая желтая бабочка с круглыми крылышками пролетела прямо перед моим лицом – буквально в считанных сантиметрах! Мы изумленно раскрыли рты, взглянули друг на друга – а когда снова повернулись к бабочке, она уже исчезла.

Мы больше ее не видели, но это было неважно. Мы уже получили ответ, которого ждали. С непередаваемым чувством покоя в душе мы шли дальше к ручью, повторяя:

– Ну что, Джош, пойдем на рыбалку!

Дебора Дерозье

Преображение на сцене

Надейся на Господа всем сердцем твоим и не полагайся на разум твой.

Притчи, 3:5

В детстве я мечтала стать артисткой, научиться петь, танцевать и играть на сцене. Но по иронии судьбы я родилась с увечьем, а в десять лет заболела полиомиелитом, поэтому о танцах пришлось забыть. Пела я настолько «мимо нот», что окружающие морщились и затыкали уши.

Постепенно мою бурную энергию и любовь к изящным искусствам сменила неуверенность в себе. Несбывшиеся детские мечты и молитвы были упакованы в коробку и засунуты на пыльную дальнюю полку.

Пятьдесят лет спустя, когда мне удалось избавиться от множественных проблем со здоровьем и самооценкой, моя задавленная «гусеница творчества» вновь вылезла на свет. Я даже согласилась занять пост режиссера-постановщика театральной программы в нашей церкви.

Приближался мой пятьдесят шестой день рождения, и друзья позвали меня на ежегодный семинар христианских артистов в Скалистых горах. Тысячи людей собирались там на конкурсы, учебные курсы и развлекательные программы с участием самых востребованных знаменитостей.

Я обрадовалась: это была редкая возможность поучиться у опытных профессионалов театра. Но имелось одно серьезное препятствие – у меня не было денег на поездку.

Я взмолилась: «Господи, если будет на то воля Твоя, чтобы я больше узнала об искусстве в церкви, я должна получить финансовую поддержку».

И за одну неделю у меня оказались поступления, которых хватило на оплату всех расходов!

Я благодарно опустилась на колени: «Боже, я потрясена Твоей щедростью! И раз уж Ты открыл мне эту дверь, каков Твой план?»

Я оказалась не готова к мгновенному ответу, который восприняла разумом: «Танцуй для Меня». Громким эхом в моем сердце отозвалось: «Танцуй для Меня на конкурсе».

Я была в замешательстве. Мои робкие танцевальные опыты не выходили за пределы моей гостиной. Мысль о том, чтобы танцевать на публике, учитывая мой возраст и габариты, казалась просто смешной.

«Я очень хочу быть послушной Тебе, Господи, но не понимаю Тебя».

Но углубленные молитвы и самоанализ вдохновили меня на занятия танцами. И вот я прилетела в Колорадо. Пейзаж парка Эстес напоминал живописную брошюру для туристов с изображениями сверкающих озер и пахнущих смолой сосен. Это был настоящий райский уголок.

Утром я с опаской предстала перед своими соперниками по танцевальному конкурсу. Большинство из них были подростками. Наблюдая, как они разминаются, я понимала: они так талантливы, что, наверное, начали танцевать чуть ли не с рождения. Одетые в красивые трико танцоры отрабатывали замысловатые движения, о существовании которых я и не догадывалась. Рай начал превращаться в кошмар.

Четверо судей были профессиональными танцовщиками.

После выступления каждого из нас ждали три минуты конструктивной критики. Я была как на иголках, дожидаясь своей очереди, одетая в импровизированный костюм из старых бежевых тюлевых занавесок.

Когда объявили мое имя, я робко выступила вперед, безуспешно пытаюсь спрятать от взглядов свое пятидесятилетнее тело. «Что я здесь делаю, Господи? – внутренне возопила я. – Мне придется очень постараться, чтобы наступить на свою гордость и танцевать для Тебя на публике».

Раздалась выбранная мною музыка. Я исполнила свой танец.

Женщина, возглавлявшая жюри, поднялась с места. Я напряглась, готовясь выслушать оценку. Пауза показалась мне вечностью. От молчания судьи у меня звенело в ушах. Наконец она прошептала:

– Нет слов!..

Нет слов?! Ей нечего сказать – так безнадежно жалко выглядела старуха на сцене? Неужели судьи не отдадут должное хотя бы моему мужеству и стараниям?

Мое лицо стало пунцовым от унижения, я опустила голову и в отчаянии бросилась прочь со сцены.

Участники соревнований должны были посещать все танцевальные занятия, чтобы быть допущенными к конкурсу. Это меня очень расстроило. Уроки танца и театральные семинары проходили одновременно. Я хотела сделать то, о чем просил меня Бог, но это доставляло все больше неудобств.

Заливаясь слезами разочарования, я решила, что лучше будет отказаться от танцевального конкурса, который теперь казался ребяческой блажью. Тогда у меня было бы время посещать театральный тренинг. Я надеялась, что Бог поймет: порой то, чего Он от нас ждет, оказывается слишком трудным и требует непомерных жертв.

И снова просьба, уже более настойчивая, прозвучала в моем сознании: «Танцуй для Меня».

Борясь с собой, я подчинилась.

Участие в обязательных танцевальных занятиях не только заставляло меня трудиться на пределе возможностей, но и ложилось тяжелой нагрузкой на организм. Мышцы, которыми я не пользовалась годами, грозили полностью отказаться.

В полуобморочном от усталости состоянии я плюхнулась на свое место после выступления на концерте. Но когда ведущий объявил финалистов конкурса, я чуть не подскочила... Мое имя! Это что, ошибка – или чудо? Неважно! Теперь я могла сказать всем, кто дарил мне финансовую помощь, молитвы и моральную поддержку, что их вера в меня не напрасна.

Перед финальным состязанием мое сердце переполнилось благодарностью: «Спасибо Тебе, Господи, за то, что ответил на мои молитвы! Впервые в жизни я чувствую себя настоящей танцовщицей. Могу ли я еще что-нибудь для Тебя сделать?»

Все мое существо наполнил мгновенный ответ: «Танцуй для Меня – без парика».

Я сжалась, словно укушенная гремучей змеей. «Я чувствую себя голой без парика, Господи! Я не могу это сделать. Проси чего угодно, но, пожалуйста, не требуй от меня этого!»

Я носила парик семнадцать лет. Операция по удалению раковой опухоли и сердечные приступы в 1980-х привели к тому, что мои густые кудрявые волосы выпадали клоками. После них выросли реденькие пепельные прямые волоски, которые трудно было назвать иначе, как позорищем. Мысль о том, чтобы показаться людям на глаза без «защитного кокона», парализовала меня страхом.

Меня охватила настоящая паника, и я не понимала, зачем Богу вздумалось требовать от меня невозможного.

«Веруй в Господа всем своим сердцем и не полагайся на собственное понимание», – мелькнуло в моих мыслях. Я хотела верить, хотела быть покорной, но все во мне протестовало.

В конце концов я подчинилась. Я принесла Богу самые трудные для меня дары: послушание, покорность и доверие. Я вернусь домой преображенной, победительницей, каков бы

ни был результат конкурса. Я стащила с головы парик и в «обнаженном смирении» отправилась на финальные соревнования.

Когда выступления завершились, я испытала огромное чувство облегчения и про себя объявила свой долг выполненным. Я отдала все, что могла. На этот раз я выходила из аудитории с гордо поднятой головой.

Глава жюри подошла ко мне:

– Мне очень нравится ваша новая стрижка, Би-Джей. И вы отлично выступили.

Я благодарно улыбнулась.

– Мне выпала честь сообщить вам, что судьи единодушно назвали вас победительницей танцевального конкурса! – продолжала она.

Онемев от изумления, я только и подумала: «Чаша моя переполнена. Спасибо Тебе, Господи, за чудеса!»

– К тому же вам присужден гран-при победителя всех художественных конкурсов. Сегодня вечером вы будете танцевать на центральной сцене во время заключительной церемонии, – закончила глава жюри.

Слезы хлынули из моих глаз. Бог сотворил чудо, чтобы ответить на молитвы увечного ребенка, которому медведь наступил на ухо! Он вознаградил мое послушание и мужество, и награда эта превзошла все мои самые смелые мечты.

В тот вечер раскрепощенная бабулька с торчащими седыми пучками волос предстала перед 600 конкурсантами и 3000 зрителей, чтобы свидетельствовать своим танцем, как можно подняться над жизненными обстоятельствами и ограничениями.

Какое это невероятное переживание – взобраться на вершину горы!

Би-Джей Йенсен

Каким было твое перышко?

*Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы
длить мне жизнь мою?*

Иов, 6:11

Я закрыла кран в кухне и наклонила голову, прислушиваясь к звукам телевизора. Тема сегодняшнего ток-шоу звучала так: «Каким было твое перышко?» – и я, занимаясь хозяйственными делами в кухне отцовского дома, слышала грохот аплодисментов и вступительный монолог ведущего. С тех пор как умерла моя мать, я ежедневно приходила сюда после работы, чтобы готовить, убирать и помогать постаревшему отцу и брату-инвалиду. Вечером то же самое повторялось у меня дома. Сказать, что я уставала, – значит не сказать ничего. Поэтому я решила выйти из кухни, посмотреть программу и хоть немного отдохнуть.

Гостя, женщина средних лет, муж которой умер после недолгой борьбы с раком, рассказывала, что случилось через несколько месяцев после его смерти. Она шла по дорожке в одном из своих любимых мест – в парке, где они с мужем когда-то ежедневно гуляли вместе. Ее скорбь была так глубока, что она взмолилась о знаке, который дал бы ей понять, что муж любит ее и продолжает о ней заботиться. Опустившись на скамейку и уронив лицо в ладони, она залилась слезами. В тот момент белое перышко слетело с небес и мягко приземлилось у ее ног. Она подняла его и, изумленная тем, что на ее мольбу ответили, принесла этот ниспосланный свыше знак домой, вставила в рамку и хранила в своей гостиной как напоминание о любви мужа.

«Какая сентиментальщина! – мысленно фыркнула я. – Это просто совпадение. Ничего больше».

Женщина написала ведущему ток-шоу о кончине мужа, о своем скорбном пути и о поразительном происшествии с перышком. Редакторов программы так растрогала эта история, что они прислали строительную бригаду, чтобы бесплатно сделать ремонт у нее в гостиной. Перо в рамке должно было стать центральным элементом декора. Была показана видеозапись ремонта, и аудитория приветствовала ее одобрительными возгласами.

Затем участников программы попросили поделиться собственными «историями с перышками», и начался настоящий парад рассказов. Люди говорили о посмертных стихах, необычных записках, фотографиях, которые символизировали ушедшую любовь. Каждый такой предмет занимал особое место в их пути через скорбь к исцелению. Ведущий призвал всех телезрителей вспомнить о своем «перышке», пока будет идти реклама.

Я устало поднялась с места и вернулась в кухню к своим обязанностям. Измученная усталостью, я в какой-то момент горько посетовала, что ко мне на дом почему-то никого не присылают, чтобы перестирать груды белья или купить продукты. Я обдумывала предложение ведущего программы – вспомнить мое собственное «перышко».

Мое перышко? Ничего похожего. После того как я была сиделкой при матери все пять лет, которые врачи называли ее «последними стадиями», у меня не осталось никаких перышек. Только ужасные воспоминания о вечерних и ночных звонках, после которых мы сломя голову мчались в отделение неотложной помощи; о бесконечных часах, проведенных в кабинетах врачей, и о непонятных медицинских объяснениях. А теперь, при всех добавившихся обязанностях перед близкими, у меня не было даже минутки, чтобы перевести дух.

Жалость к себе росла, пока я вспоминала, какая любовь связывала нас с матерью. Мы искренне наслаждались обществом друг друга и даже несколько раз ездили вдвоем в отпуск. Мы были ближе, думала я, чем большинство знакомых мне матерей и дочерей. Но когда мне

пришло время заводить семью и жить своей жизнью, ей хватило силы воли, чтобы отпустить меня.

После того как я вышла замуж, мы не отдалились друг от друга. Мы каждый день говорили по телефону и часто встречались за обедом, поглощая бургеры и картошку фри под беседы «о своем, о девичьем». Мы оставались друг для друга источником силы. Она помогла мне не сорваться, когда ближе к тридцатилетию меня охватил страх перед раком, а я была рядом все долгие годы ее болезни. В те последние дни она всегда гладила меня по руке, когда я уезжала домой. «Помни, – говорила она, – не надо никаких сожалений, когда я уйду. Мы прекрасно провели вместе время здесь, на Земле».

В тот вечер, возвращаясь домой, я сетовала на эти воспоминания, и плохие, и хорошие. Разве мне не положено перышко? После всего, что пережили мы с матерью, я тоже заслужила весточку, которая приободрила бы меня и стала подтверждением любви из того мира. Слезы текли по моим щекам.

Я приехала домой, припарковала машину, вытерла глаза и сделала глубокий вдох. Потом медленно, с опущенной головой, пошла по дорожке к дому. Поднявшись на крыльцо, я застыла в изумлении. На верхней ступеньке лежало безупречно белое перышко.

Моника Андерманн

Горчичное зерно

Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас.

Евангелие от Матфея, 17:20

Я никогда не думала, что буду молодой матерью серьезно больного ребенка и мы окажемся в известной на весь мир педиатрической и исследовательской клинике. Но ведь на это ни один родитель не рассчитывает, верно?

Как и многие попавшие туда семьи, мы утешались тем, что персонал заботлив и внимателен, а родственникам пациентов выделяется место, где можно жить вместе с другими детьми. Задача этой больницы – находить средства исцеления и продлевать жизнь. И такие чудеса там действительно случались. Были и другие чудеса, часто невидимые для взрослых, но с благодарностью принимаемые детьми.

Однажды мне захотелось поговорить по душам с другой молодой матерью, оказавшейся в похожей ситуации. Наши здоровые дети играли в специально отведенной палате, в то время как их больные братья и сестры проходили лечебные процедуры. Я сказала своей собеседнице:

– Как хорошо пообщаться, когда нас не слушают маленькие ушки!

Это было такое облегчение – поделиться тревогами и словами поддержки с родственной душой! Вскоре мы углубились в дискуссию о «вере с горчичное зерно» и о том, что сказал в Писании Иисус: «Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Матфей, 17:20).

Мою новую подругу прервал на середине фразы ее здоровый сын-дошкольник, который буквально влетел в распашную дверь. Он улыбался до ушей, протягивая матери маленькую баночку. Мальчик еще не умел читать, а мы обе не поверили своим глазам, увидев на ярлычке надпись: «Горчичное семя».

– Мэтью, где ты это взял? – спросила мать.

– Большой мальчик-ангел велел мне отдать ее тебе!

Мы обе застыли с раскрытыми ртами. Мое сердце охватила неопишуемая радость.

Мэтью привел нас в пустое помещение, где видел «большого мальчика-ангела» на настенной фреске из отпечатков ладоней детей, в разные годы лечившихся в клинике. Нас пробрала дрожь. Глядя на отпечатки, под каждым из которых были указаны имя, дата и диагноз, мы не могли не задуматься: может быть, ладонь нашего ангела тоже где-то здесь, на этой стене?

По дороге к лифту мы обсуждали невероятные совпадения: явление ангела, горчичные зерна, цитату из Евангелия от Матфея и послание, врученное маленькому сыну моей собеседницы, которого по странному совпадению тоже звали Матфеем – Мэтью.

Мы взглянули друг на друга и, не сговариваясь, вымолвили: «Вы действительно думаете...»

Дверцы пустого лифта разъехались, и мы едва поверили в то, что увидели, войдя внутрь: маленькие белые перышки парили в воздухе вокруг нас. Их прикосновение вызвало удивленные улыбки на наших лицах и коснулось наших душ обещанием.

Были ли то ангельские перышки? Это ведомо одним небесам.

Единственное, что мы знали наверняка, – что и лифт, и наши надежды могут двигаться только в одном направлении – вверх!

Лиза Доленски со слов Патрисии Моррис

Распятие

*Тебе дано видеть [это], чтобы ты знал, что [только] Господь
есть Бог, [и] нет еще кроме Его.
Второзаконие, 4:35*

На протяжении столетий в мире звучали рассказы о божественных знамениях вроде плачущих мраморных статуй Богоматери, видений Христа в облаках небесных и даже явления св. Марии или ее Сына во время религиозных празднеств. Эти события, когда они подлинны, – не что иное, как современное чудо. Сотни людей свидетельствуют об исцелении и сверхъестественных переживаниях при посещении мест, где происходили такие явления. Но искренне желая верить, что за этими посланиями стоит сам Бог, я все же не мог отделаться от скепсиса.

Мы выросли в христианской семье в Делавэре и ходили в церковь каждое воскресенье. Мы повторяли Никейский символ веры¹ и подходили к святому причастию. В нашем доме было немало религиозных предметов: портреты, распятия и поразительное скульптурное изображение Христа, которое висело в спальне моих родителей. Это был подарок бабушки со стороны отца.

В детстве мы с братом делили на двоих маленькую спальню. Дощатые стены из сучковатой сосновой «вагонки» создавали иллюзию лесной хижины у теплого озера. Мы спали на двухъярусной койке, какие бывают в бараках. Наверху, у моего изголовья, где я так часто молился в темноте и искал лик Божий после ночного кошмара, висело позолоченное распятие. К медному кресту было припаяно изломанное тело страдающего Спасителя с головой, увенчанной веточками крохотных терниев. Это было чудесное произведение искусства, подаренное мне по случаю конфирмации в 12 лет. Мы повесили его на стену и – увы! – просто забыли о нем. Порой мы с братом вспоминали, что надо стереть пыль с Иисуса, но в основном он оставался незаметным предметом обстановки.

Годы спустя, когда я окончил колледж и получил свою первую должность в банковской системе, родители сказали, что пора мне «забрать свои вещи». Я приехал к их дому свежим осенним вечером. Меня встретили многочисленные коробки с сувенирами, памятными вещами, фотоальбомами, альманахами, старыми игрушками и разной дребеденью. Мы с удовольствием рылись в них, дорожа каждым воспоминанием. Мое сердце сжалось от непонятной ностальгии. И тут из спальни, которая некогда была нашей общей, вышел мой брат.

– Слушай, пока ты не уехал... тебе нужен тот крест на стене? Я совершенно уверен, что он твой, а не мой.

– Ладно, давай посмотрим, – отозвался я, пытаюсь вспомнить, о чем речь.

С годами я стал еще больше доверять Иисусу Христу. Забрать это забытое сокровище и принести его в свой новый дом – для меня это было поступком истинной веры.

Я снял распятие со стены, держа запылившуюся металлическую фигурку осторожно и уважительно. Символ креста стал сердцем моей веры, и я преисполнялся почтения всякий раз, как видел его. Я не мог не подумать о том, какую мучительную боль и страдания Сын Божий претерпел за меня. Эта мысль заставила меня содрогнуться.

А потом меня бросило в дрожь от другого.

На том месте, где висело распятие, на сосновой доске осталось пятно – длинный потек. Оно было темно-вишневого цвета и слегка поблескивало, как влажное. Оно напоминало кровь.

¹ Никейский символ веры – формула вероисповедания, утвержденная на Первом Никейском соборе (325 г.).

Я прикоснулся к пятну, которое тянулось почти до пола. Его необычность бросалась в глаза, словно под светом прожектора. Ни на одной другой доске в комнате не было ничего похожего – только на этой панели.

Озадаченный, я вновь повесил распятие на стену, ища логическое объяснение. Должно же оно существовать! Возможно, думал я, саморез, на который повесили распятие, расщепил дерево, и это привело к возникновению пятна.

Но начало потека приходилось на то место, где пробитая гвоздем рука Христа прилегла к перекладине креста, в нескольких сантиметрах от проверченной саморезом дырочки.

Этот эпизод поначалу вверг меня в ужас, но потом мое настроение изменилось. Меня захлестнула буря эмоций. Я смотрел то на отмеченное скорбью лицо Спасителя, то на кровавый потек на стене спальни, и на мои глаза навернулись слезы.

Брат утвердительно кивнул:

– Это чудо.

И родители с ним согласились.

Прошли годы, а пятно остается на том же месте – вечная особенность той панели из соснового дерева. Распятие висит у меня дома. Я беру его с собой, когда еду к родителям, чтобы еще раз удостовериться в том чуде.

Теперь я – истинный верующий. Я верю, что Он общается с нами сверхъестественными способами – через плачущие статуи, через видения Христа в облаках и даже через простое распятие, висящее в спальне обычного мальчишки.

Дэвид Майкл Смит

Ангел на снегу

*Вот, Я посылаю пред тобою Ангела хранить тебя на пути и
ввести тебя в то место, которое Я приготовил.
Исход, 23:20*

Я ощутила вибрацию сотового телефона в кармане и едва разобрала взволнованные слова:

– Это изумительно и так таинственно! Понять не могу, как он туда попал!

– Кто и куда попал, Кэти? О чем ты говоришь?

– Об ангеле! Под окном спальни Келли на снегу нарисован ангел! Он дует в рожок, и у него развеваются одежды. Как будто ребенок нарисовал его палочкой или еще чем-то. Прямо в середине большого холма на нашем заднем дворе. Но как он мог там оказаться? Вокруг нет никаких следов!

В тот же день я поднималась в гору знакомой дорогой, чтобы навестить подругу. Я объяснила двум своим сыновьям цель этой поездки. Они привыкли ездить со мной в гости к Кэти и ее маленькой дочери Келли, у которой был неизлечимый рак мозга. Она вела непосильную битву с болезнью, и ей оставались считанные дни до ухода с Земли.

С девочкой уже случилось одно чудо. Ствол ее головного мозга разрушился, оставив ребенка в вегетативном состоянии. Врачи объявили клиническую смерть мозга и отключили ее от системы жизнеобеспечения. Через пару часов она очнулась, посмотрела на отца и проговорила: «Папочка, рисуй хотдог».

Теперь Келли вернулась домой, и ее семья жила в ожидании. Прошло уже две недели после того великого чуда, и теперь дни ее были сочтены. Все мы молились за них.

Мы с мальчиками вышли из машины, и в лицо ударил морозный февральский ветер. Кэти встретила нас и повела на задний двор. Моим сыновьям было трудно идти по глубокому снегу, но вскоре они закричали:

– Мапочка, мамочка, я вижу ангела!

– Вон он!

Я открыла рот от изумления. Посреди огромного, сплошь укрытого снегом холма красовалось изображение гигантского ангела, казалось, нарисованного детской рукой. А на снегу вокруг не было ни следа, ни метки.

Спустя две недели, в День святого Валентина, на закате, окрасившем небо в ярко-красный цвет, малышка Келли отошла в мир иной. Наверное, тот трубящий снежный ангел провожал ее к новому дому.

Марица Снайдер

Агнец

*Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать
на руки и носить на груди Своей.
Исаия, 40:11*

– Боже, Ты очень нужен мне сегодня, – прошептала я, набрав горсть песка и глядя, как песчинки высыпаются из сжатого кулака. – Я снова кажусь себе заблудившимся ягненком.

Мне нравилось представлять себя ягненком, которого защищает Добрый Пастырь. Это помогало свободнее чувствовать себя в разговоре с Богом. Я, мать-одиночка, молилась о каждом из своих четверых детей и о том, чтобы мне хватило сил позаботиться о них. Было безумно трудно защитить семью от неприятностей, и временами я страшилась, что позорно не справлюсь с задачей. Иные дни – вроде этого – рождали чувства одиночества и заброшенности.

В то утро, читая Библию, я набрела на стих «Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей» (Исаия, 40:11). Этот отрывок из Писания имел для меня особое значение. Его показала мне несколько месяцев назад женщина-консультант, когда я обратилась к ней за молитвой, чтобы помочь дочери. Женщина подчеркнула слова: «агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей, и водить дойных». Я увидела в них обещание Бога быть рядом, помогать мне воспитывать моих детей и обеспечивать благодатью, в которой я нуждалась. Хотя воспоминание об этом чуточку приободрило меня, печаль никуда не делась. Мне было нужно нечто большее.

Стояла теплая погода, и по дороге с работы я решила заехать на пляж. Я подрулила к Стейт-бич, прибрежной полосе около четырех миль в длину. Наступил сентябрь, сезон уже закончился, на пляже было пустынно. Я уселась на полотенце и обвела взглядом спокойное море и безоблачное небо.

Подобрав морскую раковину, я начала водить ею по песку, описывая вокруг себя широкую дугу.

– Отче мой Боже, – бормотала я, припоминая стих из Псалтири. – Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их... они многочисленнее песка... – я с трудом сглотнула: – Ты нужен мне.

Раковина зарылась в песок и задела что-то твердое. Я разгребла песок и достала маленькую пластиковую фигурку. Меня охватило изумленное и радостное потрясение, когда я поняла, что это.

Может быть, какой-то ребенок брал на пляж свою игрушечную ферму и потерял фигурку? Но даже если так – то какова была вероятность, что из четырех миль пляжа я выберу именно эту дюну и именно это место?

Или любящий Творец Сам подбросил ее – как особый дар?

Ибо в моей руке оказалась фигурка ягненка – Божье послание.

Донна Полсон

Чудо Бонни

*И будет Господь вождем твоим всегда.
Исаия, 58:11*

У Бонни и Боба был свой цветочный магазинчик. Но экономическая ситуация менялась, цветы начали продаваться в местных супермаркетах и по Интернету, люди все проще относились к традиционным церемониям прощания с умершими. Цветочный бизнес перестал быть таким выгодным, как три года назад, когда они его начали.

Около года моя сестра Бонни и ее муж Боб обсуждали, что им делать. Обдумывали вариант продажи. Заговаривали о том, чтобы расширить дело, превратив его в магазин подарков или, может быть, книжный магазин. Но в тех местах не хватало туристов и местных жителей, чтобы поддержать такой бизнес.

Однажды утром, придя в отчаяние, Бонни попросила ответ у Бога. Следует ли им продать свой бизнес? Стоит ли расширять его и вкладывать в него дополнительные деньги, когда у него мало шансов выжить? Она взмолилась: «Боже, дай мне знак, каких действий Ты от нас ждешь! Хотя бы позвони мне по телефону, – дерзко пошутила она, – но укажи, что делать».

Вскоре зазвонил телефон. Молодая женщина интересовалась, в какую сумму они оценивают свой бизнес.

– Мы с мужем никогда не ездим по вашей дороге, – прибавила она, – но вчера проезжали мимо и увидели в окне табличку «продается».

Озадаченная Бонни ответила:

– У нас в окне нет никакой таблички! Мы с мужем как раз обсуждаем, хотим ли мы продать магазин, и пока ничего не решили.

– Я своими глазами видела табличку! – настаивала собеседница. – И мой муж тоже ее видел. Она была голубая с белым, в большой витрине, обращенной к дороге.

Через две недели та молодая женщина и ее муж купили цветочный магазин.

Ким Армстронг

Ловля радужной форели

Мы живем в радуге хаоса.
Поль Сезанн

Наверное, со стороны папы было довольно безответственно поехать на рыбалку и оставить свою беременную жену одну дома. Моя мать была на седьмом месяце беременности – огромной беременности, поскольку ждала близнецов. Другие, более рассудительные супруги, возможно, решили бы не расставаться. Но мы, малышки, должны были родиться не раньше августа, а поездка на рыбалку задумывалась как подарок нашему старшему брату по случаю получения диплома. Перед приходом в мир дуэта маленьких девочек мужчинам в нашей семье необходимо было закрепить свои узы самым мужским из известных им способов – ловлей радужной форели.

Так что папа попрощался с нашей глубоко беременной матерью и отбыл в Орегон вместе со старшим сыном. Ему были нипочем внезапные ливни и жаркие свищущие ветра, он находил упоение в испытаниях, которые ждали их на бушующих реках. Но он, вероятно, был ошеломлен, когда вернулся в хижину однажды вечером и нашел десять бессвязных сообщений от моей матери! Трудно угадать, что она набормотала, поскольку женщины в истерике и в начале родов не отличаются красноречием. Но папа понял, что должен ехать домой. Они с братом прыгнули в машину и стрелой понеслись по дороге уже через пять минут после получения сообщений. Их ждал пятнадцатичасовой путь до Сан-Франциско.

А тем временем моя мать, ощущая нетерпение своих крошек, поспешила к своей машине. Ее огромный живот то и дело нажимал на клаксон, и на нем даже нельзя было застегнуть ремень. Наш сосед еще прежде согласился отвезти маму в больницу, если папа будет в отъезде, но она предпочла никого не тревожить и сама села за руль.

Тем временем папа с братом мчались по шоссе. Несмотря на все старания не слишком превышать разрешенную скорость, полицейский патруль остановил их в тот момент, когда мама подъехала к больнице. В одно и то же время папа умолял бесстрастного полицейского о сочувствии, а мама отворачивалась от попутчиков в лифте, стыдясь своих непомерных размеров.

Штраф за превышение скорости был выписан, и папа снова пустился в путь, когда мама ухватилась за стол медсестры, выдавив из себя:

– Что-то мне не очень хорошо...

Медсестра оказалась женщиной внимательной и деловой. Если бы ее собственный муж стал отпрашиваться на рыбалку под конец седьмого месяца ее беременности, она сказала бы: «Ты думаешь, ловить какую-то драную рыбу важнее, чем остаться дома и делать мне массаж пяточек? К тому же форели мне не хочется; мне нужно шоколадное мороженое!» Медсестра велела моей матери снять белье и, мощно втянув носом воздух, объявила:

– Милочка, да это никакая не ложная тревога. У вас воды отошли!

Тут массивные дождевые тучи собрались над Северной Калифорнией, и внезапный ливень заставил отца сбросить скорость. У мамы же хватало своих поводов для нервозности – преждевременные схватки были делом серьезным и опасным. Раньше с нами, близняшками, был еще один братик, но наше трио уменьшилось из-за выкидыша еще до того, как ему успели придумать имя.

Пока папина машина летела сквозь ливень, мы решили, что и так терпели слишком долго. Мама умоляла об обезболивании. Отец, должно быть, чувствовал ее отчаяние и муки. Он знал, что ему не добраться до Сан-Франциско вовремя, чтобы присутствовать при нашем рождении. Дождь мало-помалу стихал, но папа понимал, что не успеет, – ведь мы тоже торо-

пились. Он был напуган, растерян и измотан. В его утомленном мозгу проносились самые худшие сценарии. И тут он взглянул в окно и увидел на горизонте волшебное мерцание.

Через все небо протянулась двойная радуга. Сразу две сияющие дуги – по одной для каждой из его дочек-близнецов, понял отец. Стоило ему взглянуть на эту пару радуг, как он уверился, что все будет в порядке. Это было знамение. С возродившейся надеждой он продолжал путь, сбросив безумную скорость, чтобы подольше не терять из виду эти радуги.

Папа прибыл в больницу через семь часов после нашего появления на свет. Мы родились на два месяца раньше срока, поэтому я весила 1785 г., а Маккензи – 1900 г. Хотя двойная радуга успокоила моего отца, он все равно находился на грани срыва, пока не увидел наши крохотные морщинистые тельца под оранжевыми лампами инкубатора. Мама как раз проснулась, чтобы поддержать нас на руках – сплошные карие глазки – и лишь глаза матери блестели, как мокрые фиалки.

Рыбалка была прервана, но папа не расстраивался. Все, что было ему нужно в этот момент, – это нежность, которую могут подарить только две маленькие девочки.

С того дня папа больше ни разу не видел двойной радуги.

Бриттани Ньюэлл, 16 лет

Воздушные шары надежды

*Ты ведешь милостью Твоею народ сей, который Ты избавил, –
сопровождаешь силою Твоею в жилище святыни Твоей.
Исход, 15:13*

– Раз, два, три – отпускайте! – выкрикнула я.

Трое детей Сью – Стефани, Кристен и Билли – выпустили пурпурные шарики, испи-
санные посланиями любви.

Был холодный мартовский день. Туманная морось сыпалась с неба, когда мы стояли у
дома Сью, отмечая вторую годовщину ее кончины. Унылая погода отражала тоску в сердце,
но я сумела выдавить из себя улыбку – ради детей. Моя сестра-близнец Сью, которой был
всего 41 год, скоропостижно скончалась, оставив троих детей и мужа Билла.

Вчера, болтая с подругой, я упомянула о грядущей годовщине смерти Сью. Мэри, кото-
рая на собственном опыте познала боль утраты после смерти десятилетнего сына Джона,
предложила мне идею:

– В день рождения Джона мы пишем ему сообщения на воздушных шарах и выпускаем
их.

Я пошла в магазин и купила три пурпурных шарика – это был любимый цвет Сью.

И вот я стояла, глядя, как шары вылетают из маленьких ручек, которые так крепко
держали их. Я успела прочесть многие из написанных сообщений. Они тронули мое сердце.
*Я скучаю по тебе, мамочка. Моей дорогой жене, со всей любовью. Мы любим тебя, тетя
Сюзи. И то, которое добавила я, использовав ее семейное прозвище: Мне не хватает тебя,
Близняшка!*

Полные предвкушения, мы наблюдали за шарами. Но они сразу же опустились на
дорожку: было слишком мокро и холодно. Я осознала свою ошибку – следовало дожждаться
более погожего дня – и взмолилась: «Пожалуйста, Боже, помоги нам!»

И вдруг поднялся ветер. Я затаила дыхание. Шары медленно поднимались вверх. Два
из них миновали деревья и взлетели к небу, но третий запутался между двумя ветвями.

– Ой-ёй! – воскликнул младшенький Сью, Билли. – Он же лопнет!

Мы с Биллом посмотрели друг на друга.

– О Боже, – прошептал он.

И я снова взмолилась: «Пожалуйста, Боже, не дай им лопнуть!»

Дети принялись подбадривать одинокий шарик криками. Он начал постепенно выби-
раться из своей ловушки, отскакивая от острых веточек, пока не проложил себе путь к сво-
бode. «Давай, давай, давай!» – кричали дети. Мы испустили дружный вздох облегчения,
наблюдая, как шарик наконец облетел деревья, чудесным образом не лопнув. Он поднялся
вверх, нагоняя остальные два, и вскоре исчез из виду. «Спасибо, Боже», – про себя прого-
ворила я. Огляделась, увидела улыбки на всех лицах и поняла, что где-то на небесах Сью
тоже улыбается.

Через неделю моя младшая дочь Кэролайн выглянула из окна спальни на втором этаже
и позвала меня:

– Мамочка, вернулся один пурпурный шарик. Это тот, который мы посылали тете
Сюзи?

Пурпурный шар прыгал по траве. Я вышла, чтобы рассмотреть его как следует. Но,
пока я к нему бежала, шар полетел наискось через соседский двор. Я гналась за ним прямо
в пижаме. Наконец мне удалось его схватить. Он был точь-в-точь такой же, как те, что мы

посылали, – только без сообщений. Какое совпадение! Я внесла шарик в наш дом. Кэролайн спросила:

– Мамочка, это тетя Сюзи прислала тебе шарик?

– Не сомневаюсь, Кэролайн, – ответила я с улыбкой.

Той же весной моя мама сильно заболела. После серии микроинсультов она была слаба, сознание ее путалось, и она больше не могла жить одна. У нее развивалось старческое слабоумие. Я ежедневно молилась, внося мамино имя в списки ожидания нескольких пансионатов для инвалидов. Я знала, что там о ней смогут позаботиться, а я была физически не в состоянии это делать.

Шли месяцы, и мамино здоровье все больше разрушалось. Дни были заполнены безрезультатными звонками в пансионаты и агентства. После одного такого разговора, закончившегося резким «нет», я чуть не расплакалась. Я была измучена. Скорбь после кончины сестры и тревога за маму подкосили меня эмоционально, физически и духовно. Вытирая слезы, я схватила пальто и сказала детям:

– Я пойду прогуляться.

Начинался снег. Снежинки мешались с моими слезами. Я мысленно разговаривала с сестрой и молилась Богу: «Пожалуйста, Боже, помоги мне! Сю, что мне делать?» Я думала о прошедших двух годах и гадала, сколько я еще смогу выдержать. Где мне взять силы?

Повернув за угол, я заметила, что снег и ветер крепчают. Но не только это привлекло мое внимание. На лужайке соседского дома на снегу подпрыгивал одинокий пурпурный шарик. Я не могла поверить своим глазам. Я воспрянула духом. Это был знак! Я понимала, что впереди нелегкие дни, но мне не придется справляться с ними в одиночку.

В рождественское утро маму скрутил приступ, и ее забрали в больницу. Десять дней спустя ее состояние стабилизировалось и маму стали готовить к выписке. Теперь она ослепла на один глаз и не могла самостоятельно есть и ходить. Большую часть времени она находилась в спутанном сознании и нуждалась в круглосуточном уходе. Больница нашла для нее временное размещение в пятнадцати милях от нашего дома. Но вскоре я поняла, что это было поистине ужасное учреждение.

Однажды я застала ее спящей лицом в тарелке, полной еды. Часто она выглядела неухоженной, неопрятной и одинокой. Поначалу я думала: «Может быть, сегодня у них не хватает персонала или ее обслуживание еще не внесли в расписание». Но потом стало ясно, что я должна забрать ее оттуда.

Меня переполняло чувство вины: я физически не могла заботиться о маме сама. К тому времени я не могла даже поднимать ее. Я молила Бога: «Пожалуйста, найди для мамы другое место. Сю, позаботься о ней». Начались бесплодные поиски нового заведения.

В свой день рождения я поехала навестить маму, в дороге возвращаясь мыслями к тем праздникам, которые мы с мамой и Сю когда-то устраивали в этот день. Когда я завернула на парковку, свет моих радостных именинных воспоминаний затянуло тучами тревоги о маме.

Погрустневшая, я вошла в ее комнату. И там под неряшливой койкой оказался... пурпурный шарик. Я была поражена!

– Мам, где ты взяла этот шарик? – спросила я в изумлении.

– Не знаю, – ответила она. – Кто-то подарил мне его этим утром.

Я улыбнулась.

Через пару недель мой начальник на работе поинтересовался:

– Как дела у вашей мамы?

– Не очень, – вздохнула я. – Она до сих пор в списке ожидания на пансионат, который должен быть лучше, чем нынешний.

– Моя бабушка много лет жила в Пембруке. Там просто замечательно! – вмешалась в наш разговор одна из коллег.

Я никогда прежде не слышала о Пембруке, но позвонила туда. Каким-то чудом в пансионате оказалась свободная комната.

Мою маму перевозили на «скорой». Я поехала вперед, рассчитывая уже быть там, когда ее привезут. По дороге я ужасно нервничала, спрашивая: «Хорошее ли это место, Господи?» Я смотрела по сторонам, боясь пропустить новый мамин пансионат. Но его нельзя было не заметить.

К столбику напротив указателя на Пембрук был привязан пурпурный воздушный шар.

Донна Тети

Глава 2

Целительная сила молитвы

*Господи, Боже мой! Я воззвал к Тебе, и Ты исцелил меня.
Псалтирь, 30:2*

Сарафина

*Видите ныне, что это Я, Я – и нет Бога, кроме Меня: Я
умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит
от руки Моей.
Второзаконие, 32:39*

Мне было двадцать два, и всего год отделял меня от диплома колледжа. Я еще не решила точно, что буду делать после учебы, но мне было ясно, что это будет связано с миссиями и сознательным служением. Именно так я представляла себе жизнь после сдачи последнего экзамена. Поэтому, вместо того чтобы работать, копя деньги, или просто отдыхать в последнее лето между третьим и четвертым курсом, я оказалась в маленькой африканской стране Свазиленд, помогая больным СПИДом и обнимая сирот.

В Южном полушарии выдался холодный день, и солнце уже закатывалось за горы. Наша группа должна была вернуться до темноты, так что мы собирались уйти из деревни, которую только что посетили. Когда мы миновали последнюю хижину, кто-то нас окликнул. Пожилая женщина, сидевшая на циновке, замахала рукой.

Эту женщину звали Сарафиной. Через своего переводчика мы узнали, что она уже два года не ходит, а последние пять суток ничего не ела. Она осталась одна, ее единственный сын жил далеко. Она не могла ходить к реке за водой и зависела от доброты соседей, отдававших ей остатки своих скудных трапез.

Когда Сарафина посмотрела на нас глазами, пораженными катарактой, я увидела на ее месте мою бабушку, на коленях выпрашивающую еду. Сердце мое заныло от боли. Я начала молиться про себя: «Господи, что мне делать?» – и услышала внутренний ответ: «Встань на колени».

«Что?» – переспросила я молча, не уверенная, что правильно поняла.

«Встань на колени».

Когда я встала на колени перед Сарафиной, это застигло ее врасплох. Она повернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

Тогда я снова услышала внутренний голос: «Протяни руку».

Когда я потянулась к ней, Сарафина взяла меня за руку и засмеялась. Все оставшееся время мы сидели, держась за руки. С того момента это стало нашим обычаем.

Сарафина страдала старческим слабоумием и часто не могла припомнить собственное имя, не говоря уже о подробностях своей жизни. Когда ее разум начинал блуждать, я сжимала ее руку, называла ее по имени, и она возвращалась к разговору.

Следующие несколько месяцев я навещала Сарафину несколько раз в неделю. Иногда я приносила ей *pap* – африканское блюдо из кукурузной муки, смешанной с водой; но обычно приходила с пустыми руками. Мы просто сидели вместе и смеялись, наслаждаясь своей дружбой. Это было прекрасно.

Больше всего меня расстраивало, что я не знала духовных взглядов Сарафины. Как миссионер я хотела разобраться, слышала ли она об Иисусе... верит ли, что Он может простить ее грехи и обладает целительной силой.

На запястье и щиколотке Сарафина носила черные шаманские браслеты. Я сказала ей, что, на мой взгляд, есть другой путь:

– Бог способен исцелить тебя, Сарафина. Он может сделать так, что ты снова будешь ходить.

– О... – только и произнесла моя *gogo* (так на сисвати называют бабушку), разглядывая свои браслеты.

Потом мы заговорили о другом, но я не могла забыть наш разговор. Я начала молиться, чтобы Сарафина сняла браслеты в знак своей веры в то, что Бог способен исцелить ее. Пусть с ее стороны это будет поступок веры.

Через два дня это случилось. Сарафина сняла свой последний браслет, отбросила его подальше, посмотрела мне в глаза и сказала:

– Пожалуйста, помолись, чтобы я снова ходила.

Я перевела дыхание. Мне трудно было даже вообразить это.

– Хорошо, Сарафина, я помолюсь, – пообещала я ей.

Всю следующую неделю я молилась про себя день и ночь. «Господи, моя вера так мала! Я знаю, что Ты обладаешь силой исцелять. Я знаю, что Ты можешь заставить хромым ходить – и уже делал это. Пожалуйста, Господи, коснись Сарафины. Пусть она снова ходит. Не позволяй моему маловерию помешать этому. Но, пожалуйста, пусть я буду там и увижу это. Позволь мне увидеть, как Ты сотворишь чудо».

Однажды на закате дня наша группа внезапно решила навестить Сарафину. Когда мы подошли к ее хижине, она сидела снаружи на своей циновке, глядя на дорогу.

– Где вы были? – требовательно спросила она. – Я вас жду у дороги целый день. Он сказал мне, что вы придете.

Я удивилась:

– Сарафина, я не говорила, что приду сегодня. Кто сказал тебе, что мы придем? – Тут я вспомнила детей, которых мы встретили по дороге. – Тебе сообщил кто-то из малышей?

Она помотала головой.

– Нет, – ответила Сарафина, прикладывая руку к груди. – Это Он сказал мне в моем сердце.

И тогда я поняла, что Бог собирается совершить нечто необыкновенное.

Сарафина в тот день была не такой, как обычно. Она вся сияла; ее память была совершенно четкой. Она вспоминала наши предыдущие разговоры, беседы о Евангелии.

– Да, Сарафина! – я была взволнована. – Бог действительно обладает способностью прощать. И способностью исцелять тоже.

Сарафина что-то спросила, глядя мне прямо в глаза. Я подождала перевода, но когда услышала его, мое сердце замерло.

– Когда я снова буду ходить?

Я замерла, не представляя, что ответить. Когда с моих губ слетели слова, я сама поразились им:

– Встань.

Сарафина мгновение смотрела на меня, услышав перевод. Никто не двигался. Я с трудом могла дышать.

А потом она встала.

А потом пошла.

Из-за того, что долгие годы женщина передвигалась только ползком, ее ноги были слабы, и пришлось поддержать ее, чтобы она не упала.

Но она стояла на ногах и шла благодаря собственной силе!

Через пару недель, когда мне уже пора было уезжать из Свазиленда, ноги Сарафины окрепли. Она теперь ходила увереннее и дольше. Когда я в последний раз видела ее на ногах, при этом присутствовали пятьсот человек. Все они были свидетелями тому, что способен сделать Бог.

Всякий раз, вспоминая это лето, я думаю о Сарафине. Бог совершил невозможное и исцелил пожилую женщину со сломанными ногами, когда она уверовала, что Он это может.

Кристен Торрес-Торо

Бородавки и прочее

*И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное.
Евангелие от Матфея, 18:3*

Под жарким летним солнцем Техаса, в Пэнхэнгле, где деревья, дающие тень, можно пересчитать по пальцам, требуется немало времени, чтобы выкопать яму, – особенно если ты девятилетняя девочка, а лопата выше тебя. Не помню, кто посоветовал мне закопать тряпку для мытья посуды, чтобы избавиться от бородавок, но я была готова испробовать любой способ.

Выглядели эти бородавки ужасно. Они расползлись под моими глазами и вылезли на всех пальцах. Одна из них особенно донимала меня – большая, угрожающего вида штука, громадная, как шляпка шестипенсового гвоздя. Она обосновалась с внутренней стороны сустава моего среднего пальца, незаметная другим людям. Но я чувствовала ее всякий раз, когда сгибала палец. Мама водила меня к врачу, чтобы избавиться от напасти, но бородавки не сдавались, а только множились.

Но в самом конце лета кое-что произошло.

Я не помню никаких других занятий летней библейской школы, кроме последнего. Я надела отцовский пиджак – такой огромный, что он волочился ниже коленей, мешковатую белую рубашку и закатала брюки, которые держались на моей талии только благодаря ремню. Я изображала Джона Уэсли, странствующего проповедника.

В тот день мы были особенно непоседливы, поскольку все нарядились в костюмы, но наш учитель все же прочел запланированный рассказ. Речь в нем шла об исцелении с помощью молитвы обычного человека.

Я никогда не произносила личных молитв. Мне в голову не приходило, что я могу чем-то заинтересовать Бога, – я, девочка, которая часто сердила свою мать, любила игрушечные пистолеты больше кукол и была уверена, что шуметь веселее, чем быть тихоней. Но вернувшись домой в тот день, я нашла уединенное местечко, опустилась на колени и взмолилась:

– Пожалуйста, Боже, исцели меня от бородавок!

На следующее утро они исчезли.

И по сей день я помню, как стояла в ванной комнате и смотрела в зеркало. Я вижу свои короткие волосы, кривую челочку, и мои пальцы касаются гладкой кожи под глазами. Я приближаю лицо к стеклу. Ни одной бородавки. Я делаю шаг назад и смотрю на кончики пальцев, на кожу вокруг ногтей.

Ничего.

Осталось посмотреть только в одном месте.

Я сделала глубокий вдох и медленно повернула правую руку ладонью вверх. Там не было ничего, кроме сустава, ни малейшего изъяна, ни красноты – только чистая гладкая кожа. Ни следа бородавки. Божья любовь захлестнула меня с головой.

Прошло больше пятидесяти лет, а это воспоминание остается со мной, как путеводный маяк. Оно не раз поддерживало меня.

Кто-то может спросить: «С чего бы Богу беспокоиться о каких-то маленьких бородавках, а не о громадных бедах мира?»

Может быть, дело в моей детской вере? Не думаю. Все дело было в Нем. Он хотел, чтобы я всегда помнила, что шрамы были на Его ладонях, а не на моих. Он видит во мне Свое дитя – без единого изъяна. По сей день.

Марта Мур

Отец Дамиан

Это будет здоровьем для тела твоего и питанием для костей твоих.

Притчи, 3:8

В 1942 году мне было всего шесть лет, и мир в оккупированном нацистами бельгийском городке Винтерслаг был полон опасностей. Но внутри нашего дома я и мои братья и сестры чувствовали себя защищенными коконом счастья и веры.

Мы были ревностными католиками, и нам часто приходилось поклоняться Богу дома. Во время войны лишь немногие священники служили мессу, и даже когда такие находились, мы опасались лишний раз выходить на улицу. Нацисты порой без всякого повода стреляли по людям.

Моя мать Мариетта Рейс и моя бабушка поощряли поклонение святым. Они рассказывали нам, что у каждого святого есть своя «специальность». Бабушка приходила к нам в гости в День святого Андрея и настаивала, чтобы мы, девочки, молились ему о достойных мужьях. Мы также молились святому Антонию, прося помощи в поиске пропавших вещей, и моей любимой святой Терезе – Цветочку – о защите в тревожные времена.

Однажды мама ходила гулять с маленькой сестрой и порезала руку металлом старой коляски. В рану попала инфекция. Мама еще не оправилась после родов. Питание в военное время было очень скудным, и ее организм не мог сам справиться с инфекцией. Воспаление распространилось на предплечье.

Никаких антибиотиков в продаже не было. На руку накладывали влажные компрессы, но мамино состояние ухудшалось. Местная клиника прислала к нам монахиню, чтобы та заботилась о маме, а также кормила и умывала нас, детей. Она была сестрой милосердия – из тех, что носят большие белые капоры. Эту миниатюрную женщину звали сестрой Елизаветой; мы, дети, называли ее сестрой Бабетт.

Несмотря на заботы сестры Бабетт, гангрена не желала уходить, и ткани маминой руки начали отмирать. У нее поднялась высокая температура, она впала в беспамятство, а потом и в кому. Отец привел нас к ней и велел попрощаться, потому что мама отправится на небеса. Мне было страшно видеть, как она лежит и не двигается. Я не хотела остаться без матери!

Мамин доктор Рейнерт имел в нашем городке репутацию атеиста. Речь его была грубой, нередко пересыпанной ругательствами. Он решил, что маме нужно ампутировать руку, чтобы спасти ее жизнь.

Сестра Бабетт возразила:

– Нельзя этого делать с женщиной, у которой четверо ребятишек, к тому же одна из них – грудная!

Но врач отмахнулся:

– Завтра я приду делать операцию.

В тот вечер сестра Бабетт наложила на мамину руку фотографию отца Дамиана и обвязала ее бинтами. Монахиня воспитывалась в родном городе отца Дамиана, Тремело, и хорошо знала вдохновляющую историю его жизни. Отцу Дамиану было всего тридцать три года, когда он приехал на остров Молокаи на Гавайях, чтобы помогать прокаженным в поселении Калавао. Он заботился о больных и духовно и физически. Отец Дамиан буквально обнимал свою паству. Он перевязывал язвы и умащивал их елеем во время таинства последнего причастия. Собственными руками он помогал своим прихожанам строить жилье. Он мастерил гробы для умерших и даже копал им могилы. Потом отец Дамиан сам заразился лепрой и умер в возрасте 49 лет.

За прошедшие годы сестра Бабетт прониклась особым почтением к отцу Дамиану. Поэтому в ту ночь, приложив к маминой руке его изображение, она молила святого о вмешательстве.

Доктор Рейнарт вернулся на следующее утро с хирургическими инструментами, среди которых была пила. Он снял бинты, увидел фотографию и грязно выругался.

– Что это за бесполезная дрянь?! – выкрикнул он.

– Это отец Дамиан, – сообщила ему сестра Бабетт.

Врач разорвал фотографию, но отпечаток лица Дамиана остался на маминой руке. Ее рана раскрылась, и гной вытек. Гангрена исчезла, а ткани руки восстановились.

Доктор Рейнарт повернулся к сестре Бабетт:

– Что ж, похоже, ваш святой справился со своим делом.

Мама полностью исцелилась. Теперь она, пианистка, снова наполняла наш дом музыкой. Никакой инвалидности!

Отец Дамиан не только исцелил мою мать, но и растрогал сердце доктора Рейнарта. Доктор рассказал всему городу о чудесном исцелении мамы. С того дня он стал верным прихожанином католической церкви.

После войны, в 1946 году, мы всей семьей поехали в Лувэн, город, где расположена штаб-квартира религиозного ордена отца Дамиана. У меня мурашки бегут по коже, когда я вспоминаю небольшое помещение с десятками костылей, прислоненных к алтарю. Стены там сплошь покрыты дарами людей, которые чудесно исцелились благодаря заступничеству отца Дамиана.

В Лувэне священники расспрашивали мою мать об этом чуде. Официальные бумаги со свидетельскими показаниями сестры Бабетт и доктора Рейнарта были подшиты к делу. Исцеление моей матери стало одним из официально перечисленных чудес, которые послужили основанием для причисления отца Дамиана к лику святых.

Когда-нибудь католическая церковь утвердит это решение. Но с той самой ночи, когда он исцелил мою мать, я знала, что отец Дамиан – святой.

Мари Тереза Миллер со слов Жизель Рейс

Примечание редактора: Отец Дамиан был канонизирован 4 июня 1995 г. папой Иоанном Павлом II. 1 июля 2009 г. папа Бенедикт XVI удостоверял последнее чудо, которое требовалось для причисления к лику святых. 11 октября 2009 г. отец Дамиан был объявлен святым.

Пять недель жизни

*Послал слово Свое, и исцелил их, и избавил их от могил их.
Псалтирь, 107:20*

– Злокачественная меланوما, – сказал врач. – Вам осталось жить пять недель.

Ей было всего тридцать, двое детей младше пяти лет. Как такое может быть? У нее столько планов! Отказавшись от карьеры, чтобы быть дома и растить детей, она с нетерпением ждала каждого дня, который могла подарить им – обучая их читать, играть в игры и печь любимое печенье.

А теперь *это*!

Всему, что она планировала, придет конец через пять недель...

Моя мать должна была лишиться жизни.

Однажды после посещения стоматолога мама взяла два зеркала, чтобы взглянуть на его работу, и обнаружила темное пятнышко на верхнем нёбе. Обеспокоенная, она записалась на прием к врачу, который заявил:

– Боюсь, у меня для вас плохие новости, но нужно, чтобы другой врач подтвердил мой диагноз.

Вторая консультация выявила худшее. Врач сел рядом с ней, взял ее за руку и сказал:

– Это злокачественная меланوما, и она неизлечима из-за своего расположения. Мы не можем удалить ее целиком или провести химиотерапию. Мы немедленно сделаем операцию, чтобы вырезать это пятно, и будем надеяться, что оно не распространится. Прогноз плохой, Джоанна. Вам осталось жить пять недель.

В тот вечер мама с папой пошли ужинать в ресторан. У них состоялся душераздирающий разговор о том, как отцу предстоит воспитывать нас с братом без нее. А потом они начали готовиться к ее похоронам и составили план, как провести эти ближайшие пять недель.

Без внимания остался только один вопрос – о важности молитвы в это время. Мама стала христианкой всего год назад и не вполне понимала, насколько нужна молитва и как она работает. По ее словам, «молитва – это то место, куда Бог уносил меня, когда я не знала, что делать».

Утром накануне операции маме позвонила ее подруга Нива и прочла по телефону библейский стих из книги Исаии, 43:5. «Не бойся, ибо Я с тобою», – говорилось в этом стихе. Мама повторяла этот отрывок всю дорогу до больницы и потом, пока шла по коридорам к операционной. Придя на место, она продолжала твердить про себя Двадцать третий псалом. Это была единственная молитва, которую она помнила с детства: «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою... Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...» – а потом начала действовать анестезия.

После операции врач сказал маме, что ей будет очень больно и она не сможет есть твердую пищу несколько дней. Как ни удивительно, уже через час она съела обед из той самой твердой пищи. Врач был потрясен – и не в последний раз.

Через пару дней мама приехала на послеоперационный осмотр. Хирург, известный своими грубоватыми манерами, на сей раз тихо вошел в кабинет, сел рядом и сказал:

– Я сам не могу поверить в то, что сейчас скажу вам. Этому есть только одно объяснение... – Он указал вверх и повернулся к маме со слезами на глазах. – Мы получили результаты анализов, и в них нет никаких признаков онкологии или того, что она когда-либо суще-

ствовала. Джоанна, ваш рак исчез! Если я не верил в чудеса прежде, то теперь я определенно в них верю.

Верит в них и моя семья!

Это случилось более тридцати лет назад, и с тех пор мы прочли немало книг, сыграли во множество игр и съели массу печенья. За эти тридцать лет мама полностью осознала силу молитвы – и реальность чудес.

Хайди Круменауэр

Сердечные проблемы

*Исцели меня, Господи, и исцелен буду; спаси меня, и спасен буду;
ибо Ты хвала моя.
Иеремия, 17:14*

– Исследование показывает, что у вас шумы в сердце. Вам когда-нибудь прежде ставили такой диагноз?

– Нет, доктор. Я даже не знаю, что это такое.

– В сущности, это нерегулярное сердцебиение. По вашей истории болезни я вижу, что вы боретесь с наркотической зависимостью. Как давно вы не употребляете препараты?

– Уже две недели.

– Что ж, хорошо. Я знаю, это может быть тяжело. А какой наркотик вы чаще всего употребляли?

– Марихуану и кокаин.

Он помолчал, сдвинув брови и поджав губы.

– Вдыхание больших доз кокаина известно как причина нерегулярного сердцебиения. Вы принимаете какие-нибудь лекарства?

– Да. Антидепрессанты, таблетки от головной боли, снотворное и лекарство от высокого кровяного давления.

– Это немало. В любом случае я ничего не могу вам прописать. Нам придется просто следить за сердцем. Запишитесь на прием через месяц, считая от сегодняшнего дня.

Выходя из кабинета, я думала о последствиях, которые возникнут, если я буду продолжать злоупотреблять наркотиками. Воздерживаться от них было одним из самых трудных испытаний за всю мою жизнь. Но я была рада, что продержалась до сих пор. Моя предыдущая попытка бросить продлилась шесть дней, так что четырнадцать суток стали большим достижением.

Я ходила на собрания анонимных наркоманов и изо всех сил старалась следовать совету своего спонсора: девяносто встреч за девяносто дней. Когда я позвонила этой женщине, она сказала мне, что этим вечером ее направили в группу выздоравливающих христиан.

– Хочешь пойти? Там кормят ужином, и ты можешь взять с собой Библию.

– С удовольствием.

На встречах АН использовался термин «Высшая Сила», который символизировал Бога. Я же хотела свободно произносить слово «Бог», называя свою Высшую Силу ее именем, и не бояться, что кого-то оскорбляю.

Мы встретились перед зданием на заднем дворе церкви. С Библией в руках я подошла к людям, стоявшим снаружи. Все они показались мне дружелюбными. Народу было много – все общались и разносили тарелки с едой. История каждого была написана на его лице. Они могли выглядеть побитыми жизнью и сломленными, и все же каждый человек здесь излучал внутренний свет. Я нуждалась в этом свете.

Представившись и сообщив всем, сколько дней я «чиста», я села на свое место. Мы сидели, составив стулья в кружок, и люди по очереди рассказывали, как Бог помогает им в самые трудные моменты их выздоровления. Я чувствовала себя здесь уютно, как дома. И хотя в тот вечер я не выступала, мне было ясно, что я еще вернусь сюда.

Я колебалась между встречами АН и христианскими. Разрывалась между желанием получать «баллы» за посещение АН – и потребностью произносить имя Божие вслух, четко и ясно. Наконец я решила бывать и там и там. Я становилась сильнее в Слове Божием и

начала задавать вопросы, когда чего-то не понимала. Мне необходимо было Слово, чтобы держаться подальше от травмы. И с каждой новой встречей в церкви погружение становилось все глубже.

Однажды мужчина по имени Чак рассказал о том, что Бог сделал с его жизнью. Он просил о нашей молитве, уезжая в заграничную миссию. Чак сам не мог поверить, как из наркомана он превратился в служителя. Все молились за него и хвалили его за то, что он исполняет план Бога.

Когда окончился этот сеанс, моя спонсор попросила Чака помолиться о ней. У нее были боли во всем теле, а он обладал даром исцеления. Я терпеливо ждала, не зная, что и думать.

Чак взял какую-то маленькую бутылочку и вылил ее содержимое себе на ладони. Затем возложил одну руку ей на голову, другую поднял высоко в воздух, закрыл глаза и с величайшей уверенностью обратился к Богу.

Моя спонсор покачивалась взад-вперед, по ее щекам текли слезы. Я не понимала, что происходит. Прошло несколько секунд, и она упала на пол, где пролежала с минуту. А еще через минуту мы с одним из участников помогли ей подняться.

Она улыбнулась и сказала:

– Я знаю, что исцелена.

Я тоже хотела исцелиться и подошла к Чаку:

– Вы могли бы помолиться за меня?

Он ответил:

– Конечно, – взял в руки бутылочку и спросил: – Какая у вас проблема со здоровьем?

– У меня шумы в сердце.

– Ладно. Давайте помолимся.

И снова он простер одну руку к небесам, а другую положил поверх моего сердца. Я не понимала, что должно произойти, и была напряжена. Я чувствовала, как мое тело начинает двигаться, описывая крохотную окружность, но ноги ему сопротивляются. Послышался голос женщины-спонсора:

– Расслабься, Киша. Доверься Богу. Расслабься.

Не успела я сообразить, в чем дело, как мои ноги подкосились и я оказалась на полу. Я ничего не видела, кроме вспышки белого света, которая почти ослепила меня. Я села, но тут же замерла, как бы вбирая в себя все окружающее. Я чувствовала Бога повсюду вокруг себя, ощущала покой и обновление. Потом я встала и посмотрела на свою знакомую.

– Что сейчас случилось?

– Ты была повержена в духе. Я расскажу тебе то, что один человек некогда рассказал мне. Почитай книги на эту тему, изучай их и молись о полном понимании. А еще наслаждайся и принимай могущественный способ исцеления Божьего.

В тот вечер меня невозможно было оторвать от Библии. Я молилась и плакала, плакала и молилась. На следующий день я позвонила врачу, чтобы подтвердить свое посещение. Мне не терпелось проверить, обнаружит ли он снова нерегулярное сердцебиение. В глубине души я знала, что врач ничего не найдет. Мне просто нужно было получить официальное доказательство. Я заранее говорила всем, что исцелилась от шумов в сердце, и это было невероятное переживание.

К концу недели я сидела в кабинете врача, дожидаясь результатов. Он вошел в кабинет, улыбаясь, с моей кардиограммой в руках и сказал то, что я и так знала:

– Что ж, Киша... Я не смог найти в ЭКГ никаких следов шумов. А ведь прошла всего пара недель. Это изумительно!

– Это Бог, – с улыбкой поправила я. – Это Он изумительный.

Киша Басс

Чудесная девочка взаймы

Ты – Бог, творящий чудеса; Ты явил могущество Свое среди народов.

Псалтирь, 77:14

Медсестра неслась по коридору, крича по-нидерландски: «Ребенок в критическом состоянии! Ребенок в критическом состоянии! Нужен педиатр!» Я невольно пожалела бедную мать этого ребенка. Через считанные минуты медсестра и врач вбежали в смотровую, где лежала моя дочь. И тут до меня дошло, что моя пятилетняя Оливия и была тем ребенком в критическом состоянии, а я – ее бедной матерью.

Педиатр назначил срочную и болезненную пункцию спинного мозга. Я пыталась подавить панику и начала произносить про себя первую из множества отчаянных молитв, вымалывая жизнь дочери.

В разгар этого хаоса подъехал мой муж Фрэнк. Мы обнялись, пряча свой страх в объятиях друг друга. Наша дочка извивалась от жестокой боли, а мы ничего не могли сделать – только ждать и молиться, когда врачи начали внутривенно вводить ей антибиотики. Никаких обезболивающих применять было нельзя, пока не определен диагноз.

Врач старался смотреть в сторону, сообщая новости. Хотя я худо-бедно понимала нидерландский, Фрэнк переводил его слова на английский:

– У Оливии бактериальный менингит – его еще называют гемофильной инфекцией. Сейчас начнут курс стероидов, обезболивающих и специфических антибиотиков, чтобы атаковать бактерии. Он говорит, что она, вероятно, будет дышать только через кислородную маску и у нее могут отказаться почки. Возможно, она ослепнет или оглохнет... – Последние слова он едва смог выговорить.

«Боже, не может быть, чтобы это происходило на самом деле! Пожалуйста, заberi меня из этого кошмара», – это были мои единственные мысли. В чем я ошиблась, где моя вина? Бесконечные «если бы»... Как она могла так сильно заболеть? Почему это случилось через шесть недель после нашего переезда в новую страну, а не в Америке, где я говорила на местном языке и понимала устройство системы здравоохранения? А теперь мы здесь: ни друзей, ни церкви, ни социальной сети.

Паника резала меня, как ножом. Фрэнк крепко обнял меня. Страх и отчаяние сближали нас. Я задумалась, хватит ли у него сил пережить смерть Оливии... или ее выздоровление.

Фрэнк вышел, чтобы позвонить на другую сторону океана, а я осталась у койки Оливии. Мне было так одиноко!

Врачи атаковали ее крохотное тельце все новыми антибиотиками, стероидами и обезболивающими. Они делали все, что в их силах, но прогноз оставался неутешительным. Состояние было слишком серьезным, чтобы перевозить ее в детскую больницу; дорогу она бы не пережила.

Оливия стонала от боли и, похоже, была в полубреду. Под ее глазами полумесяцами залегли темные тени, и сухие потрескавшиеся губы оставались приоткрытыми. Я убрала тонкие прядки светлых волос с ее лба. Она смотрела на меня остекленевшими жалобными глазами, словно моля хоть что-то сделать.

– Я люблю тебя, Ливи. Я останусь рядом с тобой, здесь. Я не уйду.

Это было лучшее, чем я могла ее утешить.

Посреди ночи, беспомощно глядя на страдания Оливии, я молилась Богу, чтобы Он либо поскорее забрал ее, либо исцелил. В этот момент я ощутила судьбоносное откровение: Оливия принадлежит не мне, а Ему. Она дитя Божье, и Он полностью властен над ее жизнью.

Нам просто дали ее взаймы. И тогда я поняла, что Бог отозвался на мою молитву: дочка выживет. С этого момента она действительно начала поправляться.

Мы чувствовали, как нас поддерживали молитвами все наши друзья и родственники по другую сторону океана. Мы ощущали силу и покой, идущие извне.

Проведя месяц в больнице, Оливия вернулась домой, разучившись ходить и частично оглохнув на одно ухо. Она весила всего около 18 кг. По несколько раз на дню ее мучили острые головные боли, которые вызывали приступы слез и криков. Улучшения происходили медленно, но она была жива.

В августе, через четыре месяца после выписки из больницы, мы переехали из Голландии в Юж-ную Францию, потому что Оливии нужно было солнце. Мы решили побывать в Лурде, где в 1858 году благословенная Дева Мария восемнадцать раз являлась Бернадетте Субиру, четырнадцатилетней крестьянской девочке. Оливия слышала о тысячах чудесных исцелений, которые происходили там с тех пор, и хотела погрузиться в целительные купальни. Мы объяснили, что ждать, возможно, придется долго, поскольку туда приезжает множество больных людей на носилках и в инвалидных креслах. Но дочь была тверда: она рассчитывала на полное исцеление.

Своей очереди мы дожидались около двух часов. Оливия, длинноногая пятилетняя девочка, странно выглядела в детской коляске, но ей было все равно. Атмосфера была спокойной и безмятежной. Подошла ее очередь, и помощники, прошептав молитву по-французски, погрузили ее в каменную ванну.

Выйдя из воды, Оливия объявила:

– Эта вода святая. Бог исцелил меня.

Так оно и было.

Через считанные дни она стала прямо и ровно держать голову и лучше ходить. Когда мы вернулись в Голландию, терапевт сообщил, что ее кратковременная память возвращается к норме. Головные боли исчезли, как и истерики. К изумлению сурдолога, «перманентная» потеря слуха сменилась нормальным состоянием.

Оливия посещала занятия физиотерапией, чтобы восстановить навыки движений и ходьбы. Речевая терапия должна была ускорить процесс изучения языка. К февралю наша дочь сдала тесты по нидерландскому для детского сада на «отлично».

Сегодня, одиннадцать лет спустя, Оливия – энергичная шестнадцатилетняя студентка-отличница, которая обожает петь, играть на классической гитаре и есть мороженое. Мы дорожим каждым моментом ее драгоценной жизни – Оливии, чудесной девочки, данной нам взаймы.

Джонна Стейн

Малютка Лорен

*Увидев Его, падает к ногам Его и усиленно просит Его, говоря:
дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она
выздоровела и осталась жива.*

Евангелие от Марка, 5:22–23

Малютка Лорен родилась во Франции, в Париже. Меньше чем через час после рождения девочку спешно доставили в отделение неонатальной интенсивной терапии со скоростью сердечного ритма 280 ударов в минуту, то есть вдвое выше нормы. Такое быстрое сердцебиение в конечном итоге приводит к остановке изможденного сердца.

Сердечко Лорен подверглось дефибрилляции: разрядом тока его вернули в нормальный ритм. Ей стали вводить внутривенные препараты, чтобы поддерживать скорость и ритм сердцебиения в пределах нормы. Но она не реагировала на лекарства, и дефибрилляцию приходилось применять по несколько раз в день в течение всего первого месяца ее жизни.

Лорен провела месяц в палате интенсивной терапии новорожденных с быстрым, летальным и неконтролируемым сердечным ритмом, и врачи решили отправить ее в Техаскую детскую больницу в Хьюстоне.

Девочку перевезли в клинику по воздуху и поместили в педиатрическую палату интенсивной терапии, которой предстояло стать ее новым домом на следующие четыре-пять недель. Лаборатория катетеризации сердца обнаружила причину быстрого сердечного ритма – множественные опухоли сердца. Ей назначили операцию на открытом сердце, крайне рискованную не только из-за маленькой массы тела Лорен. Такого типа операции в прошлом выполнялись всего несколько раз. Часть сердечной мышцы предстояло отделить, чтобы удалить опухоли.

Малютка Лорен отправилась в операционную меньше чем через неделю после прибытия в Техас. Я занималась своими обычными делами, заботясь о детях, которые поступали в кардиологическую клинику. Я думала о малютке Лорен и возносила за нее молитвы весь рабочий день.

Родители малышки жили в отеле. Еще при рождении дочери им сказали, что ее шансы выжить очень малы. Они разговаривали по телефону с лечащим врачом, но не приезжали в больницу целую неделю.

Позже я узнала, что некоторые родители просто не в состоянии вытерпеть такую муку.

В три часа дня кардиолог вышел из операционной и попросил меня позвонить родителям Лорен и вызвать их. Врач сказал, что хирург срезал почти 40 процентов ее сердечной мышцы, чтобы удалить опухоли. Малютка Лорен никогда не сможет жить без аппарата искусственного кровообращения, который использовали во время вскрытия сердца.

Я позвонила родителям малютки Лорен, почти ничего не рассказав им о состоянии дочери, – сказала только, что она чувствует себя не очень хорошо и что им надо приехать.

Как только я положила трубку, пришел расстроенный педиатр-кардиолог:

– Без сердечной помпы она не сможет. Поэтому они собираются все отключить и дать ей умереть.

Я ушла в старый чулан, перестроенный в ванную комнату, где проводила немалую часть своего дня в молитвах о больных детях и их родителях. Там среди мыла, антисептика и бумажных полотенец я стала горячо молиться, прося Бога дать Лорен шанс узнать, каково это – жить вне стен больницы, без боли, с родителями, которые могут обнимать и любить ее.

Я ждала родителей Лорен в послеоперационной палате. Трубки и провода оплетали маленькое тельце. Ее почти не было видно за спинами врачей и медсестер, окружавших койку, но я смотрела на сердечный ритм на мониторе. Она все еще была жива.

Хирургическая медсестра сообщила, что когда малытку Лорен отключили от аппарата искусственного кровообращения, кровяное давление у нее отсутствовало. Но потом, как ни удивительно, оно постепенно поднялось до приемлемого уровня. Ее сердце начало биться самостоятельно, а ритм стал нормальным и регулярным, без опасных ускорений.

В палату вошел главный хирург и подозвал всех врачей и сестер к ложу Лорен:

– Я хочу, чтобы все вы увидели происходящее здесь чудо. Этот ребенок не должен был выжить. Кто-то за ней присматривает.

Шли дни, малытка Лорен набиралась сил и начала вести себя как нормальный младенец. Через месяц родители Лорен приехали, чтобы забрать ее домой. Радостно было видеть, как мать и отец берут девочку на руки и обнимают – после того как она почти три месяца прожила с трубками и проводами.

Когда я смотрела им вслед, мне пришло в голову, что Бог ответил на мою молитву в ванной комнате именно так, как я просила. Малытка Лорен ехала домой, чтобы жить. Она была свободна от боли, и ее несли на руках любящие родители.

Ким Армстронг

Руки наших друзей

*Исцели меня, Господи, и исцелен буду; спаси меня, и спасен буду;
ибо Ты хвала моя.
Иеремия 17:14*

В то пятничное утро мы с моим мужем Луи были в кабинете врача, дожидаясь назначенного приема. Врач залечил большой разрез на роговице глаза Луи, но рубцовая ткань на месте травмы никак не формировалась. Мы беспокоились, потому что отец Луи ослеп из-за такой же проблемы.

– Не волнуйся, – пыталась я утешить Луи. – Сейчас уже наверняка все в порядке.

Я оказалась не права. Спустя пару минут доктор осмотрел глаз Луи и сказал:

– Я должен назначить вам операцию на понедельник и снова заняться этим глазом, – Он покачал головой: – Мне неприятно говорить об этом, но рубцовая ткань так и не сформировалась. Вместо этого рана начинает расходиться.

Он глубоко вздохнул:

– Вам надо питаться высокопротеиновой пищей и как можно больше спать в эти выходные. Хотя я сомневаюсь, что за эти дни глаз успеет сформировать достаточное количество рубцовой ткани, если он до сих пор этого не сделал. Приезжайте к девяти утра в понедельник, и я еще разок взгляну на вас перед операцией. Вторая операция на той же роговице иногда приводит к серьезной потере зрения.

Я видела, как напряглись плечи мужа.

По дороге домой он решил позвонить членам взрослой воскресной школы, в которой вел занятия, и попросить их помолиться о том, чтобы к понедельнику его глаз нарастил необходимую рубцовую ткань.

Потом он сказал мне:

– Знаешь, впервые в жизни я размышляю о наложении рук на мой глаз. Но наша церковь и пастор никогда не участвовали в исцелениях верой.

– Пастор не отказался бы наложить руки, если бы ты попросил его, дорогой, – ответила я.

– Верно, – согласился Луи. – Он такой сострадательный человек, что не стал бы мне отказывать, но я не хочу, чтобы он чувствовал себя обязанным.

Добравшись до дома, мы встали на колени у кровати и взмолились Богу о чудесном исцелении глаза Луи. Я просила также, чтобы Луи смог спать, несмотря на неудобное положение, в котором ему нужно было лежать, чтобы не мешать исцелению.

– Я позвоню президенту воскресной школы и передам просьбу о молитве, только сперва переоденусь в пижаму, – сказал Луи.

Но телефон зазвонил до того, как Луи успел переодеться. Это была Робби из воскресной школы.

– У меня осталось говяжье жаркое после вчерашних гостей. Если хотите, я занесу, – сказала она. – Одна я столько не съем.

Откуда она узнала, что Луи нужен протеин?

Робби едва успела повесить трубку, как зазвенел дверной звонок. На пороге стояли Реда и Люси из воскресной школы. «Но мы же никому не звонили», – мелькнула у меня мысль.

Ред сказал:

– Я собирался в деловую поездку, и что-то словно подтолкнуло меня: надо провести Луи. Я сказал об этом Люси, и вот мы здесь. Что случилось?

Робби пришла с жарким как раз в тот момент, когда подъехали пастор и его жена.

– Нас посетило чувство, что мы нужны Луи, – объяснил пастор.

После того как мы с Луи объяснили ситуацию пятерым прибывшим, пастор сказал:

– Давайте возьмемся за руки вокруг изголовья кровати, окружим Луи любовью и попросим, чтобы на его глазу сформировалось достаточно рубцовой ткани.

Все закрыли глаза. Пастор начал и завершил замечательную молитву, в которую каждый из нас внес вклад. Я готова была попросить его о наложении рук, но не стала делать этого без решения Луи.

Пока Робби разогревала жаркое, готовя сэндвич для Луи, я вышла проводить пастора и его жену к машине. Я поблагодарила его за прекрасную молитву и призналась, что чуть не попросила его наложить руки.

Он отступил на шаг и посмотрел на меня с радостным изумлением:

– Как удивительно! Ведь я на самом деле наложил руки на глаз Луи! У меня вдруг возникло сильнейшее желание это сделать. Поэтому я выпустил руку Луи и сложил ладони лодочкой поверх его глаза, когда мы молились. Это было прекрасное чувство.

Я поспешила обратно к Луи. Слезы радости текли из его глаз, когда он рассказывал мне:

– Пастор наложил руки на мой глаз. Я хочу, чтобы ты знала: я ни капли не пожалеоу о том, что попросил об исцелении, каков бы ни был результат.

Эта цепочка чудесных событий началась со звонка Робби, но на нем не закончилась. Все выходные Луи мирно проспал – «впал в глубокий сон», о котором несколько раз упоминается в Библии, хоть и лежал в неудобном положении, обязательном после операции. С вечера пятницы и до утра понедельника он проснулся только несколько раз, когда я приносила ему поесть. Когда я переступала порог спальни, он садился в постели, обтирался теплой влажной тряпкой, которую я ему приносила, ел богатую протеином пищу и снова засыпал.

Утром в понедельник наш замечательный доктор сказал:

– Знаете, я уверен, что рубцовая ткань не могла сформироваться за выходные, но не посмотреть не могу, – и он наклонился над Луи, разглядывая его глаз.

Потом выпрямился, снова посмотрел на глаз и крикнул медсестре в соседний кабинет:

– Отменяйте операцию! Это чудо! У нас тут полным-полно прекрасной рубцовой ткани!

Жанна Хилл

Пустая палата

И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие перед всеми вами.

Деяния, 3:16

Однажды июльским утром мы неожиданно нагрянули домой к моему отцу в Брауэрвиль, штат Миннесота. Наш восемнадцатилетний сын Вон решил остаться дома с друзьями и поработать.

Я объяснила папе, почему мы оказались у него. На пути из Форт-Коллинза, Колорадо, мотор нашего 28-футового «дома на колесах» перегревался, если мы ехали со скоростью выше 80 км в час. Он глох и не желал заводиться, пока не остынет. Ранее мы отвезли мою свекровь к ее брату. Но когда мы прибыли забрать ее, никого не было дома, поэтому мы решили заехать к папе.

Зазвонил телефон.

Папа снял трубку.

– Это чудо, что ты их застала. Я не ждал их сегодня, – и он протянул трубку мне.

Моя дочь, студентка университета Северного Колорадо в Грили, всхлипывала:

– Мама, мне позвонили из больницы! Вон попал в серьезную аварию на мотоцикле. Он сейчас в экстренной хирургии, и страховая компания говорит, что я должна получить ваше разрешение на подписание всех документов. А ему потребуются еще операции!

Я рухнула на ближайший стул.

– погоди минутку... Какая авария? Какие операции?

Оказалось, Вон ехал на мотоцикле по каньону к Эстес-парку, чтобы позавтракать. Съезжая с горы, он попал на гравий и слетел с моста. Ему сейчас делают срочную операцию, и понадобится еще не одна.

Мы не беспокоились, оставляя Вона одного дома. В конце концов он был очень ответственным подростком.

– Это ужасно! Вам нужно вернуться домой, – умоляла дочь.

– Мы выезжаем.

Дрожа, я положила трубку, вытерла слезы и передала слова дочери отцу. А потом начала молиться.

Разум Гордона, четкий, как часы, сформулировал все, что нам нужно было сделать: позвонить в больницу, собрать вещи, забрать его маму... и БЫСТРО!

Но ни свекрови, ни ее брата опять не оказалось дома. Как мы сумели угадать нужный ресторан с первой попытки и найти их – ума не приложу!

Поскольку нам предстояло проделать немалый путь, мы старались не перегреть мотор. Я звонила в больницу с каждой заправки.

– Он еще в операционной.

Потом мне сказали:

– Он в критическом состоянии.

Через сотню километров от дома наш мотор стал захлебываться и снизил обороты.

– Никогда в жизни у меня не кончался бензин – и это случилось сейчас! – воскликнул Гордон, в сердцах стукнул по рулю и свернул к обочине.

Как только мы остановились, кто-то постучал в водительское стекло.

– Вам нужна помощь? – спросил незнакомец. Он отвез Гордона на заправку и обратно. Гордон был безмерно удивлен.

– Служащий заправки одолжил мне канистру, наполнил ее бензином и сказал, что я могу заплатить, когда вернусь!

Каким-то чудом мотор завелся. Когда мы добрались до этой заправки, я снова позвонила в больницу.

– Он все еще в критическом состоянии, – ответили мне. Я закрыла за собой дверь трейлера, встала на колени и продолжила молиться.

Мы въехали на парковку больницы Форт-Коллинза около часа дня в субботу и пробрались сквозь толпу студентов к палате Вона.

Врач объяснил:

– Мы удалили ему селезенку, собрали сломанную бедренную кость и восстановили другие органы.

Еще они наложили корсет на переломанные ребра Вона, очистили его кровь и ввели ее обратно вместе с почти четырьмя литрами донорской.

– Мы делаем все возможное, чтобы он выжил, – заверил врач.

Вон очнулся. При виде нас его лицо осветилось радостью. Потом он попросил:

– Мам, пощупай мой живот.

Раздувшаяся, твердая как камень брюшная полость означала новые проблемы.

Через считанные минуты врачи ворвались в палату.

– Вону нужна новая операция. Немедленно! Он буквально истекает кровью изнутри.

Его спешно увезли.

После операции Вон лежал в коме.

– Кажется, лекарства не помогают, – сказал врач. – Если он не придет в себя этим вечером, боюсь, надежды мало.

Мы с Гордоном сели у койки сына вместе с Майклом, «кровным братом» Вона. Гордон задремал. Я похлопала мужа по плечу:

– Почему бы тебе не поехать домой отдохнуть? Мы с Майклом останемся.

Гордон обнял меня на прощанье и пообещал сменить нас.

Пробравшись между трубками и проводами, я поцеловала сына в лоб и принялась молиться усерднее, чем когда-либо в жизни.

В два или три часа ночи я почувствовала, что задыхаюсь в темной, мрачной палате, полной пищущих мониторов. Перед уходом мой священник сказал: «Я храню гостии² в часовне». Будучи евангельским священнослужителем, я знала протокол. Я поспешила к часовне, нашла гостии и взяла одну из них.

Вернувшись в палату Вона, я сказала Майклу:

– Врачи сделали все, что могли. Остальное зависит от Бога.

Доверившись чуду евхаристии, я разломила гостию на три части. Один кусочек я положила на язык лежавшего в коме сына, второй дала Майклу, а остаток положила себе в рот и стала молиться:

– Дорогой Боже, пожалуйста, исцели Вона, потому что врачи не могут этого сделать. Прошу, вмешайся, чтобы мы получили назад своего сына.

Сделав все возможное, мы с Майклом отправились по домам. Я рассказала обо всем Гордону. Он принял душ и поехал в больницу.

Я едва успела переодеться, когда муж позвонил мне:

– Скорее! Возвращайся!

Я приготовилась к худшему.

Гордон добавил:

– Когда я вошел в палату Вона, там никого не было, с койки наполовину снято белье.

² Гостия – евхаристический хлеб, который используется в литургии.

Я упала на стул, давясь рыданиями.

– Я запаниковал, – продолжал муж. – Я думал, что наш Вон умер.

Я вцепилась в трубку обеими руками.

– Думал?..

Гордон продолжал:

– У меня перехватило дыхание, и я упал на колени. Потом я вышел из палаты – и увидел чудо.

– К-какое ч-чудо? – заикаясь, спросила я.

– Стоя перед дверями пустой палаты, я увидел Вона, который со своей стойкой для капельницы шел по коридору. Он не был подключен ни к каким мониторам. Рядом с ним была медсестра. Она очень жалела, что они не записали это быстрое выздоровление на пленку, потому что врачи не могут его объяснить.

Зато могу объяснить я.

Линда Осмундсон со слов Илэйн Хэнсон

В ловушке под надгробным камнем

*Я обложу тебя пластырем и исцелю тебя от ран твоих.
Иеремия, 30:17*

– Мама! – Вопль моей шестилетней дочери Блейк взорвал безмятежность мартовского дня.

Я почувствовала, что это не обычный возглас – «иди-посмотри-что-я-нашла» или «дай-ка-я-наябедничаю-тебе-на-брата». Сбьющимся сердцем я бросилась в угол двора, где играли дети. Ничто не могло подготовить меня к тому, что я увидела!

Наш двухлетний сын Мэтью лежал на влажной траве маленького кладбища, граничившего с нашим участком. Его головку придавил к земле массивный надгробный камень из гранита. Малыш не шевелился и не издавал ни звука.

– Пожалуйста, Боже, нет! – взмолилась я вслух. – Не может быть, чтобы это было на самом деле. Пусть это будет ужасный сон, Боже. Пожалуйста!

– Тим! – крикнула я мужу. – Беги сюда!

Тим перепрыгнул через низкую изгородь, окружавшую кладбище. Хотя он большой и сильный мужчина – 196 см и 113 кг, – казалось невероятным, чтобы один человек мог сдвинуть гигантское надгробие. Но Тим на адреналине одним рывком откатил его от Мэтью и помчался к дому за телефоном.

Я подняла сына с земли и бережно прижала к себе безжизненное тельце. Глаза его были закрыты, он дышал слабо и с трудом. Кровь текла из носа, ушей и рта.

– Не умирай, – попросила я, крепче обнимая его. – Пожалуйста, Мэтью, не умирай.

Тот мартовский день принес первое тепло в этом году, и нашу семью охватила весенняя лихорадка. Я мыла окна, а дети играли во дворе. Тим объявил, что такой день идеально подходит для того, чтобы заново покрасить старую плетеную мебель. Зная, что невысохшая краска и маленькие дети плохо сочетаются между собой, я отогнала Блейк и Мэтью подальше от дома.

– А можно, мы поиграем на кладбище? – спросила Блейк. Я согласилась.

Кладбище было предметом жгучего интереса с тех пор, как мы пару лет назад купили участок земли в сельской местности. Оно было заброшенным и заросшим. Мы не знали, кто несет ответственность за поддержание в порядке его могил – все они относились к XVIII–XIX векам. Поэтому мы стали неофициальными хранителями кладбища. Иногда мы прогуливались среди могил, читая надписи на надгробных плитах. Блейк дивилась большому числу детских могил.

– Почему в старину так много детей умирало? – спросила она.

– Тогда у людей не было такого хорошего медицинского обслуживания, как сейчас, – объяснила я.

Эти слова вспомнились мне, когда я держала на руках хрупкое тело Мэтью. Смогут ли доктора сегодня, в век медицинских чудес, вылечить маленького мальчика, чью голову придавил могильный камень? И доживет ли он до больницы?

Я закрыла глаза и снова начала молиться: «Пожалуйста, Боже, пусть Мэтью живет. Не отбирай у меня сына!»

Когда я открыла глаза, на меня снизошло странное спокойствие. «Сохраняй веру. Все будет хорошо. Мэтью в Моих руках». Эти слова переполнили мое сердце, когда я гладила мягкие волосы сына и ждала прибытия «скорой». «Сохраняй веру».

Вертолет коснулся земли через считанные минуты после того, как на наш участок въехала машина «скорой» с сиреной.

– У нас «горячий груз»! – прокричал шофер пилоту. – Доставьте его в больницу как можно скорее!

«Горячий груз»? Никогда раньше не слышала такого выражения. И все же эти слова не вызвали паники в моем сердце. Покой, который я ощутила несколько минут назад, остался со мной. «Мэтью в Моих руках».

В вертолете родителям лететь не разрешалось, поэтому мы сели в грузовик Тима и помчались в больницу. Когда мы добрались, Мэтью уже увезли оперировать. Друзья и родственники собрались в комнате ожидания. С каждым объятием или рукопожатием я чувствовала себя сильнее.

– С Мэтью все будет в порядке, – твердила я. – Я это знаю.

Пять долгих часов спустя нас с Тимом допустили в педиатрическую палату интенсивной терапии. В белой колыбели, имобилизованный шейным воротником, с трубками, присоединенными к разным частям его тела, Мэтью ничем не напоминал того бойкого ребенка, который резвился в саду и залезал на могильные камни всего несколько часов назад.

– Он не умрет. Правда, док? – запинаясь, проговорил Тим. – Скажите мне, что с моим сыном все будет в порядке!

– Мы пока не можем этого знать, – мягко ответил врач. – Чудо уже то, что он вообще жив. Есть некоторая вероятность паралича. Может быть, и мозг поврежден. Возможно, пострадали его слух или зрение.

Кровь отхлынула от лица Тима, и он рухнул на стул. Я подошла и обняла его.

– С Мэтью все будет в порядке, – сказала я ему.

– Как ты можешь такое говорить? – воскликнул муж. По его щекам текли слезы. – Откуда тебе знать?

– Я знаю это от самого лучшего авторитета, – сообщила я. – От высшего.

Этот авторитет, как всегда, оказался прав. Ровно через неделю после несчастного случая Мэтью выписали из больницы. Он отправился домой с раздробленной лицевой костью, расплюснутым ухом, сломанным носом и стержнем в пояснице для удаления жидкости из позвоночника.

– Я не думала, что такой малыш с этим справится, – призналась одна из медсестер, когда мы уезжали из больницы. – Это настоящее чудо.

Сегодня Мэтью – счастливый, здоровый подросток. Он любит спорт, видеоигры и хорошо учится в школе. Единственными напоминаниями о несчастье остаются очки, которые он носит, чтобы защитить свой «сильный» глаз, и пострадавшее чувство обоняния. Хотя настоящих воспоминаний о том дне у него не сохранилось, он столько раз слышал пересказы этой истории, что утверждает, будто помнит ее во всех подробностях.

Так что же спасло Мэтью от смерти тем судьбоносным весенним днем?

Одни говорят, что дело в земле, которая была в тот день такой мягкой, что под весом могильной плиты подалась достаточно, чтобы ребенка не расплющило в лепешку. Другие отдают должное системе идентификации 911 в нашем округе, которая позволила работникам «скорой» так быстро добраться до нашего дома. Третьи указывают на тот факт, что у нас большой двор и вертолету было куда приземлиться.

Все эти факторы, несомненно, сыграли определенную роль в чуде, случившемся с Мэтью. Но я знаю, что на самом деле спасло ему жизнь. Мэтью тоже это знает.

– Папа снял с меня могильную плиту, а вертолет отвез меня в больницу, чтобы врачи сделали операцию, – говорит он. – А Бог спас мою жизнь.

«Мэтью в Моих руках. С ним все будет в порядке, – шептал мне Бог в тот ужасный день. – Сохраняй веру. Сохраняй веру».

Я верила и верю по сей день. Теперь еще сильнее, чем прежде.

Мэнди Гастингс

Сотворение Джейкоба

Иисус, продолжая речь, сказал им: одно дело сделал Я, и все вы дивитесь.

Евангелие от Иоанна, 7:21

Мы с мужем ждали нашего четвертого ребенка. Беременность развивалась нормально примерно до 31-й недели, когда врачи заметили проблему с ростом малыша: он был гораздо меньше, чем положено на этом сроке. Врачи стали наблюдать меня внимательнее, проводя исследования и ультразвук дважды в неделю. В 34 недели они заметили, что вокруг ребенка скапливается избыток жидкости, его конечности короче, чем должны быть, и у него, похоже, желудок в форме «двойного пузыря». Врачи нашего городка в Юго-Восточном Нью-Мексико решили послать меня к специалисту – акушеру-гинекологу в Одессу, штат Техас (примерно в 130 км от нас).

В Одессе специалист провел еще одно ультразвуковое исследование. Он подтвердил проблемы, которые обнаружили мои «домашние» доктора, и смог найти им название. «Двойным пузырем» желудка малыша было отклонение, называемое дуоденальной атрезией; при нем трубка, ведущая от желудка к тонкому кишечнику, отсутствует или заблокирована. Жидкость через нее не проходила, и желудок и почки ребенка чрезмерно раздулись.

Врач уверил меня, что, пока ребенок находится в утробе, с ним все в порядке, но понадобится операция, чтобы исправить дуоденальную атрезию вскоре после рождения. Поскольку у малыша была эта проблема, укороченные ручки и ножки, да еще избыток околоплодной жидкости, велика была вероятность рождения ребенка с синдромом Дауна. Из-за всех этих осложнений врач хотел отправить меня рожать в Даллас (примерно 650 км от дома), где были лучшие в мире хирурги-педиатры и отделения неонатальной интенсивной терапии.

Мы с мужем не могли прийти в себя от этих новостей. Выживет ли наш ребенок? Чего он не сможет делать, если родится с синдромом Дауна? Но хотя мы оба понимали, что рождение ребенка с синдромом Дауна станет для нас испытанием, в этой ситуации были свои светлые стороны – мы могли бы обеспечить ему наилучшую возможную жизнь. Сам синдром Дауна был не так страшен, как мысли об операции и процессе выздоровления. К тому же у нас было трое детей-школьников, которых нам пришлось бы оставить дома с родственниками, пока мы будем в Далласе.

У меня была почти неделя, так что я готовила к своему отъезду детей, а мы с мужем пытались подготовить к этому самих себя. Мы обзвонили родственников и были внесены в молитвенные списки по всей стране. Мой муж, дети и я сама каждый вечер молились за столом, как делали всегда, но теперь концентрировались на молитве за нашего неродившегося ребенка. Я часто плакала, но знала, что Бог поможет нам это выдержать – Он и раньше всегда нам помогал.

Мы поехали в Даллас, когда у меня было 36 недель беременности, и встретились с акушером-гинекологом и хирургом в детском медицинском центре. Они снова сделали ультразвуковое исследование и подтвердили поставленные диагнозы. На следующий день мне стимулировали роды. Прошло трое суток, а ребенок даже не думал появляться на свет. Тем временем все продолжали молиться за нас. Мы скучали по детям, они скучали без нас, и все мы волновались за малыша.

Однако Бог слышал молитвы наших друзей и близких. Несмотря на трудные обстоятельства, Он подарил нам покой, который я не в состоянии объяснить. Мы просто знали, что все будет хорошо, и продолжали молиться. После третьего дня врачи отпустили меня

в отель на выходные и сказали, что мы попробуем все заново в понедельник. Но никакого прогресса не было, и тогда они наконец сделали операцию – кесарево сечение.

Мой маленький Джейкоб Стюарт Рич весил 2200 граммов и, похоже, чувствовал себя неплохо. Почти сразу после рождения нам сказали, что синдрома Дауна у него нет. Вечером медсестры из отделения неонатальной интенсивной терапии дали Джейку бутылочку и – удивитесь! – на следующее утро он покакал! Подразумевалось, что он не сможет этого сделать до операции, потому что его кишечник не прикреплен к желудку. Еще никогда мы с мужем не были так счастливы при виде грязного подгузника!

Джейка перевели в детский медицинский центр, чтобы разобраться, что случилось. Там ему исследовали верхний и нижний отделы желудочно-кишечного тракта, взяли анализы крови – словом, сделали все возможное. После чего нам сказали, что у Джейка не только нет синдрома Дауна, но и не удалось обнаружить никаких признаков дуоденальной атрезии. Наш малыш был маленьким, но совершенно здоровым.

Проведя две недели в Далласе, мы вернулись домой. Врачи извинялись за свои «ошибки», но я говорила всем и каждому: «Я не верю, что четверо врачей у нас дома, врач в Одессе и врач в Далласе дружно ошибались. Это Бог исцелил его».

Вероятно, Бог еще не закончил творить Джейкоба в первый день, когда мне стимулировали роды, и потому-то они продолжались трое суток. Бог все еще трудился над нашим сыном, исцеляя его, и был не готов к рождению Джейкоба!

Я точно знаю, что Бог исцелил моего сына, что Он слышал всех замечательных людей, которые поминали нас в своих молитвах. Я твердо верю, что Бог творит чудеса каждый день. Я чувствую себя безмерно благословенной не только потому, что родила здорового сына, – я пережила одно из Божьих чудес.

Келли Стюарт Рич

Глава 3

Любовь свыше

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

1-е Коринфянам, 13:13

От Сары с любовью

Проси себе знамения у Господа Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте.

Исаия, 7:11

Каждый День благодарения сотни семейств приезжали на окружные ярмарки, чтобы забрать пакеты с бесплатными продуктами и всем необходимым для праздничного угощения, включая талон на покупку жирненькой индейки. Эти подарки распределяли местные церкви. В каждом пакете лежали ярко раскрашенные праздничные открытки, нарисованные детьми.

Старшеклассники, улыбаясь, раздавали чашки с супом или горячим какао и относили пакеты на парковку для тех, кто был прикован к креслу-коляске или просто устал.

Наблюдая за волонтерами, я заметила пожилую женщину, которая шла и плакала. Я поспешила к ней, обняла ее и взяла у нее из рук сумки с продуктами.

– С вами все в порядке?

– О да! Мне просто нужно присесть на минутку.

Я помогла женщине опуститься на ближайшую скамейку и сама села рядом.

– Только что случилось нечто необыкновенное, у меня просто ноги подкосились!

Я подождала, пока женщина возьмет себя в руки.

– Видите ли, моя милая маленькая внучка умерла этой весной, – заговорила она. – Какое горе! Саре было всего пять лет. Каждый год она рисовала прекрасную праздничную открытку на День благодарения и ставила ее на праздничный стол. Я не представляла, как смогу пережить этот праздник, не узнав каким-то образом, что у Сары все хорошо и что она теперь с Иисусом.

Женщина вытерла слезы и продолжила:

– Я просила Бога дать мне знак, что моя внученька с Ним. – Она снова промокнула глаза платком. – И вот всего пару минут назад любезный молодой человек вручил мне пакет с продуктами. Он сказал, что кое-кто сделал для меня открытку, которую я найду в пакете.

Я кивнула, улыбаясь:

– О да, разве они не чудесные? Дети из церквей нашего округа нарисовали сотни открыток на День благодарения.

Дрожа, женщина стиснула мою руку.

– Вы не понимаете! Больше всего на свете моя внучка любила рисовать радугу. Но это еще не все. Пожалуйста, взгляните на эту открытку.

Настала моя очередь заплакать, когда я увидела безупречную дугу радуги, нарисованную на чистом голубом небе. Под ней были слова:

«Иисус любит тебя, и я тебя люблю... С любовью – Сара».

Мэри Смит

Розы для невесты

*На это сказали Ему: какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? Что Ты делаешь?
Евангелие от Иоанна, 6:30*

Я потеряла обоих родителей в смертельной автокатастрофе, когда мне было пять лет. К счастью, в этом возрасте ребенок не понимает всей глубины утраты.

Много лет спустя, в 23 года, я планировала свадьбу с Шелли (его полное имя – Шелдон), замечательным 28-летним мужчиной, который вырос в очень дружной семье – как раз такой, каким я всегда завидовала. Мы с Шелли уже купили свой первый дом с просторным, прекрасно спроектированным двором и патио, идеально подходящим для праздников на свежем воздухе. День свадьбы приближался, мы убрали, обставляли и приводили в порядок дом и двор, выбрасывая ненужное. Ни у кого из нас не было опыта в ландшафтном дизайне. Мы умели только стричь траву, а тут пришлось учиться обрезать ветки, формировать кроны и ухаживать за растениями.

Накануне свадьбы мы добавляли последние штрихи, украшая сад. Еще раньше мы посадили цветы, скосили газон, подровняли изгороди и были очень довольны тем, как аккуратно выглядит территория. Но одно растение вызывало у нас сомнения. Розовый куст у входной двери, явно не случайно посаженный прежними хозяевами на таком видном месте, стоял совершенно голым: ни листьев, ни почек. Он казался мертвым, но мы не были в этом уверены и решили пока сохранить его.

В тот вечер, после традиционной репетиции торжества и последовавшего за ней ужина, я была слишком взволнована, чтобы уснуть. Я встала, вышла на задний двор и присела на крыльцо, вглядываясь в теплую, ясную, звездную ночь. Мне вдруг вспомнилось, что единственные, кого не будет на моей свадьбе, – это мои родители. До того момента у меня не было времени об этом подумать.

Мысль о них наполнила меня печалью. Ведь каждая девушка мечтает о том, как отец поведет ее к алтарю, а мать будет ободряюще улыбаться рядом. Переполненная эмоциями, одна в ночном саду, я начала разговаривать с мамой и папой так, как если бы они меня слышали. Я просила их о знамении; никогда прежде я об этом не думала, но теперь чувствовала, что обязана это сделать:

– Дайте мне знак в день моей свадьбы, что вы со мной.

На следующий день Шелли позвал меня взволнованным голосом. Я поспешила к нему на первый этаж.

– Ты не поверишь, что я тебе сейчас покажу!

Он отступил в сторону. На голом еще вчера розовом кусте распустились две огромные розы!

Я ни на секунду не усомнилась в том, что мы стали свидетелями чуда – чуда любви.

Венди Дилэйни

Знак любви

*Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим.
Псалтирь, 25:4*

Я всегда твердо верила в Бога и молитву, и когда люди говорили, что Бог разговаривал с ними, я в их словах не сомневалась. Я только гадала, на что это похоже. Как звучит этот голос? Почему Бог не говорит со мной? Может быть, одни люди больше одарены благодатью, чем другие...

Но пару лет назад я молилась о своей внучке, и... Сначала мне показалось, что я схожу с ума.

У моего сына Лео и его жены Селесты родилась прекрасная девочка, которую назвали Фелисией. Через несколько лет они развелись, и опеку над дочерью получил мой сын, но Селеста тоже о ней заботилась.

Когда Фелисии было девять лет, ее мама отправилась в Южную Каролину навестить друзей. Она позвонила дочке, сказала, что через пару дней будет дома, и отправила ей по почте брелок для ключей с ее именем.

Но домой Селеста не вернулась.

Ее мать подняла тревогу, когда несколько дней от нее не было звонков. Через пару дней позвонил сотрудник полиции из Северной Каролины с вопросом, были ли у Селесты какие-то особые приметы. Мама Селесты описала ее татуировки – цветок на запястье и бабочку на щиколотке. Тогда полицейский сообщил горестную новость – тело Селесты нашли в поле у шоссе. Она была убита и пролежала там трое суток.

Бедняжка Фелисия пережила трагедию, какую не пожелаешь ни одному ребенку. Я зашла к ней в спальню, где она молча сидела на полу. Я села рядом, и мы начали разговаривать. Фелисия рассказала, что, когда она в последний раз разговаривала с мамой по телефону, та радовалась, что уже едет домой и через пару дней увидится с дочерью. Сквозь слезы Фелисия вспоминала про отправленный ей почтой именной брелок для ключей. Но Фелисия так и не получила этот подарок.

Через пару дней я снова поехала навестить Лео и Фелисию. Я вела машину, непрерывно молясь за всю семью Селесты, но главным образом за свою внучку. Собираясь свернуть с шоссе к дому сына, я услышала голос – не человеческий, не женский и не мужской, – который говорил мне: «Достань брелок для Фелисии».

– Что?

«Достань брелок для Фелисии».

Я совершенно растерялась. Где мне его искать?

И снова: «Достань брелок для Фелисии».

На этот раз я выкрикнула вслух:

– Где, Боже, где мне его взять?!

Я уже подъезжала к дому сына, когда опять услышала тот же голос: «Езжай дальше – и увидишь».

Мне было велено ехать по шоссе, потом свернуть в указанном месте, снова повернуть налево и войти в ближайший магазин. Все это я послушно выполнила. В магазине продавали бижутерию для девочек, но сперва я не увидела ничего похожего на брелок.

Я взглянула на женщину-кассира:

– У вас ведь здесь нет брелоков для ключей, верно?

Та ответила:

– Есть, конечно, вот же они! – и указала на круглую вешалку, сплошь увешанную самыми разными брелоками – всех типов, форм и цветов. Теперь я окончательно растерялась. Какой мне выбрать? И тут же услышала: «Возьми голубой со словом АНГЕЛ».

«Почему именно этот? Почему – АНГЕЛ?»

Но я протянула кассиру брелок, который стоил всего пару долларов.

Около дома сына прозвучало: «Напиши на обратной стороне».

Я вынула из сумки ручку, и мне было сказано, что я должна написать.

Металл был довольно мягким и продавливался под стержнем. Я написала: «Фелисии. Будь хорошей девочкой. Мама».

А потом я вошла в дом.

Мой сын был в гостиной. Я спросила:

– Где Фелисия?

Мое сердце колотилось от волнения, в кулаке за спиной я сжимала брелок. Лео спросил, что происходит. Я сказала, что мне нужно видеть Фелисию, и подмигнула. Он позвал ее, она прибежала с радостным криком «Бабушка!» и повисла у меня на шее.

Я сказала:

– У меня есть для тебя кое-что очень важное.

Она непонимающе уставилась на меня:

– Что?

Я напомнила о ее последнем разговоре с мамой и о брелоке для ключей:

– Кажется, я его нашла.

– Где? – спросила девочка, явно растерявшись.

– Не важно где. Мне просто было сказано привезти его тебе.

Я дала ей брелок, и малышка заплакала, а потом показала подарок отцу.

Я сказала:

– Не понимаю только, почему на брелоке написано АНГЕЛ. Разве твоя мама не говорила, что там должно быть твое имя?

Лео проговорил:

– О Боже, мама, ты ведь не знаешь! Когда Фелисия родилась, Селеста хотела назвать ее Энджел – Ангел, но я ее отговорил!

Тогда заплакала я. Я поняла, что это Святой Дух говорил со мной, чтобы доставить Фелисии брелок от мамы.

Пола Коте

Евангелие от Луки, глава 16

И Он начал говорить им: ныне исполнилось Писание сие, слышанное вами.

Евангелие от Луки, 4:21

Я сидела на церковной скамье. Слушать пастора становилось все труднее. Я пыталась прогнать из памяти сцены того ужасного дня, моля Бога помочь мне сосредоточиться на проповеди.

Прошло всего несколько недель после аварии, и я была совершенно без сил. Меня преследовали картины трагедии, в которой погиб мой муж Макс. Мы были женаты всего два года. Я не понимала, почему Бог это допустил, ведь нет на свете ничего, что произошло бы без Его ведома.

Я пыталась прислушаться к пастору, держа на руках свою десятимесячную дочку Брианну, и молила о покое и освобождении от ужасных воспоминаний.

Пока я сидела и молилась, эти воспоминания постепенно вытеснила настоятельная потребность открыть Библию на шестнадцатой главе Евангелия от Луки. Я не понимала, что нового я могу узнать из этой главы, поскольку читала ее много раз.

Тем не менее я решила, что Бог, должно быть, хочет показать мне что-то конкретное, и стала перелистывать страницы...

Я заплакала и рассмеялась одновременно, когда на правом поле книги, рядом с 16 главой, оказались слова, написанные почерком моего мужа: «Я люблю тебя! Макс».

Лиза Джо Кокс

Кладбищенские шутки

*Он еще наполнит смехом уста твои и губы твои радостным
восклицанием.*

Иов, 8:21

Прошло больше года с тех пор, как я в последний раз побывала на сельском кладбище Тен-Майл. Когда-то я ездила сюда каждую неделю, но время шло, моя сердечная боль стихала и визиты случались все реже.

Когда я вышла из машины, жаркое летнее солнце обожгло мне шею. Откуда-то доносился гул газонокосилки, и воздух был напоен ароматом свежескошенной травы. По другую сторону дороги несколько ленивых коров прекратили свое неторопливое шествие к кормушке и уставились на меня. Я смотрела на них, пока мне не надоела вонь коровьих лепешек; тогда я повернулась и прошла через главные ворота на ухоженную территорию кладбища.

Внутри меня происходила странная борьба эмоций. Поскольку я давно здесь не была, какая-то часть меня спешила поздороваться со старыми друзьями. Другая часть погружалась в скорбь, бремя которой я влачила так долго. Но я пришла, чтобы выразить свое уважение умершим, поэтому проглотила ком в горле и пошла дальше, шаг за шагом, к трем могилам, которые когда-то навещала так часто.

Вот тогда-то я и заметила спринклер для полива. Очень большой, поистине фермерских размеров, он возвышался над землей, вращаясь и поливая траву на кладбище – круг за кругом, периодически выбрасывая длинную, прямую струю воды. Я остановилась и постояла, наблюдая, насколько сильно и близко к тому месту, куда я шла, бьет струя. Я наблюдала ее вращение в четыре или пять полных оборотов, прежде чем решила, что у этих трех могил она меня не достанет.

У меня был заведенный порядок. Я всегда начинала с могилы моего бойфренда Шэннона, затем делала два шага вправо, к его матери Бекки, и, наконец, три шага назад, к его бабушке, которую он называл Нэнни. Подойдя к Шэннону, я начала с обычного приветствия: «Привет, малыш! Как у тебя дела там, наверху? Сегодня здесь внизу ужасно жарко...» Дальше шла легкая болтовня на любые темы, какие только приходили в голову, чтобы на пару секунд отсрочить приход прежней, привычной печали. Я опустила голову, чувствуя, как ее волна поднимается в груди... и тут это случилось. *ПЛЮХ!* В меня выстрелила струя воды из спринклера. Но ведь я только что убедилась, что он не дотягивал до этого места!

На самом деле не стоило удивляться. Шэннон всегда был остряком, и такого рода шутки вполне в его духе. Но ведь Шэннон, в конце-то концов, мертв! Правда, при жизни он потрясающе умел смешить всех вокруг. Он мог растормошить даже незнакомого человека, и делал это с легкостью. Он веселил подавальщика в окне автозакусочной, людей в очереди в продуктовом магазине или в банке – где угодно. Всего минута – и собеседник уже хватается за живот от хохота.

Помню, Шэннон решил заявиться в ближнюю таверну прямо в купальном халате и шлепанцах – просто ради смеха. Как обычно, всем присутствующим это страшно понравилось, и в два часа ночи он шествовал домой в сопровождении полудюжины попутчиков. Они танцевали, смеялись и пели несколько часов!

Ему было двадцать три, а мне – восемнадцать. Он был моей первой настоящей любовью. Мы собирались пожениться. Я была просто раздавлена, когда к нам домой пришел полицейский и сообщил, что Шэннон попал в смертельное ДТП. Еще сильнее горевали его дядя и милая Нэнни. Они были очень привязаны друг к другу с тех пор, как мать и отец

Шэннона умерли – это случилось раньше, чем ему исполнилось восемнадцать. Для Нэнни это был такой удар, что она умерла через три месяца после Шэннона.

Так в свои восемнадцать я завела этот порядок – надеюсь, это приходится делать немногим восемнадцатилетним... Раз в неделю я приезжала на сельское кладбище Тен-Майл навещать троих своих друзей. Я всегда шла вначале к могиле Шэннона, начинала с короткого приветствия и чувствовала, как внутри меня вскипает печаль. Потом переходила к его матери и бабушке...

Но никогда прежде, ни разу, со мной не случалось ничего подобного!

Сначала я решила, что это, должно быть, какая-то глупая случайность. Поэтому я устала на спринклер, наблюдая, как он вращается. Больше он не стрелял водой так сильно, она даже близко ко мне не подобралась. Тогда я снова повернулась к Шэннону с новым приветствием и опустила голову, ощущая нарастающую грусть... *ПЛЮХ!* Меня опять обдало водой. Вытирая мокрое лицо, я увидела, как мой обидчик-спринклер как ни в чем не бывало продолжает вращаться и больше никуда не стреляет. Я недоверчиво покачала головой и отступила вправо, к могиле матери Шэннона.

Я постояла еще с минуту, наблюдая за спринклером, исправно поливавшим землю далеко от меня, а потом сказала: «Привет, Бекки». Но стоило мне опустить голову и погрузиться в печальные мысли, как... поверите ли? *ПЛЮХ!* Я снова была мокрая с ног до головы!

На этот раз я только хмыкнула, гадая, как такое могло случиться. Я окинула взглядом все кладбище, пытаясь понять, кто мог сыграть со мной такую шутку. Что за глупости – издеваться над скорбящим человеком! Кому такое могло прийти в голову? Но вокруг никого не было. Только я, коровы на той стороне дороги и этот несчастный спринклер!

Мне оставалось подойти к еще одной могиле, позади надгробия Шэннона. Я покачала головой и, уже посмеиваясь, пошла туда, наблюдая, как вращается такой далекий и безобидный спринклер. Поздоровалась, опустила голову, и... *ПЛЮХ!* Умойся снова!

Выведенная из себя, я раскинула руки и завопила: «Ага! Значит, вы не хотите, чтобы я сегодня печалилась?!» Я все еще смеялась, уходя с кладбища мимо спринклера, который меня и струйкой не тронул, – и устроила себе фантастический выходной в конце этого летнего дня.

Теперь я прихожу на это кладбище не с печалью, а с благодарностью за то, что мне довелось любить такую замечательную семью.

Бобби Клемонс-Демут

Золотой дар

*И сказал Исаия: вот тебе знамение от Господа, что исполнит
Господь слово, которое Он изрек.
4-я Царств, 20:9*

Мы с моим мужем Дугом проводили отпуск на курорте в Алабаме. Вода в бассейне была так сильно хлорирована, что нам пришлось поехать за очками для плавания. К счастью, в десяти милях от курорта в торговом центре мы нашли магазинчик спорттоваров. И тут мне захотелось зайти в небольшой ювелирный магазин по соседству.

Это было необычное для меня желание. Я не покупала себе настоящих украшений давным-давно – с тех пор как мы с мужем надели свои обручальные кольца. Дуг поддержал мой спонтанный порыв. Он не любил заниматься шопингом или сопровождать меня за покупками. Но тут мы были в отпуске, не торопились и ничего не имели против приключений. Поэтому мы с легким сердцем направились к ювелирному.

Войдя в этот симпатичный маленький магазинчик, я тут же подошла к вращающейся витрине с золотыми серьгами. Мне совсем не нужна была еще одна пара, но мое внимание привлекли очаровательные серьги в форме дельфинов, плавающих по кругу. Я улыбнулась, вспоминая, как наш сын Джей с детства и уже во взрослом возрасте обожал дельфинов. Волна печали поднялась во мне, когда я подумала о приближавшейся годовщине смерти нашего любимого Джея.

– Почему в сотнях километрах от океана продаются серьги с дельфинами? – удивилась я вслух, обращаясь к Дугу. Они показались мне неожиданной и удачной находкой, поэтому я попыталась рационально обосновать свое желание иметь такие серьги: они стали бы любовным напоминанием о Джее или подарком себе самой на день рождения. Их можно было рассматривать как награду за тяжелую физиотерапию после моей недавней операции на спине. А если этих причин недостаточно, я просто купила бы их как сувенир на память об этих каникулах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.